

№ 4

КЪ ИСТОРИИ
ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ВЫПУСКЪ III.

ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ.

Н. О. Сумцова.

Изданіе редакціи „Кіевской Старины“.

Каб. Гос. Ун-т
Научная
Библиотека им.
Горького

КІЕВЪ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайловская ул., соб. домъ.

1884.

русск. кн.

10634

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

Историческое значеніе Иннокентія Гизеля.—Его происхожденіе.—Петръ Могила отправляетъ Гизеля въ заграничныя университеты.—Гизель—полемистъ.—Гизель—ректоръ кievской коллегіи.—Гизель въ Москвѣ, какъ посоль отъ малорусскаго духовенства—Его рѣчь царю.—Гизель—печерскій архимандритъ.—Гизель и кievская митрополія въ 1657 г.—Отношенія Гизеля къ Москвѣ и его услуги московскому государству.—Отношеніе московскаго правительства къ Гизелю — Отношеніе Гизеля къ митрополиту Тукальскому.—Отношеніе Гизеля къ Меодію Филимоновичу и гетману Брюховецкому.—Дружба между Гизелемъ и Барановичемъ и ихъ литературная связь.—Нравственная солидарность и взаимная научная поддержка малорусскихъ писателей во второй половинѣ XVII в.—Услуги Гизеля Малороссіи, какъ политическаго дѣятеля.—Просвѣтительная дѣятельность Гизеля — Его проповѣди.—Покровительство ученымъ.—Гизель и Зернибавъ.—Ученая дѣятельность Гизеля.—„Миръ съ Богомъ“.—Вліяніе латинства.—Разсужденіе Гизеля о грѣхахъ.—Его гуманное отношеніе къ человѣку.—Историко-бытовыя черты „Мира“.—Противо-латинская литература въ Малороссіи.—„Объ истинной вѣрѣ“ Гизеля.—„Синописъ“.—Особенности „Синопися“, какъ учебника русской исторіи.—Благотворительность Гизеля.—Кончина его.—Отзывы о Гизелѣ С. Величка, патр. Иоакима и св. Дмитрія Ростовскаго.

ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ Малороссіи въ XVII столѣтіи весьма цѣмногія лица пользовались столь обширной и почетной извѣстностью, какъ кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патріархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Высшія духовныя лица, кіевскій митрополитъ и черниговскій архіепископъ, дорожили его расположеніемъ. Ученые иностранцы являлись къ нему съ поклономъ или вступали съ нимъ въ дѣловую переписку. Безъ преувеличенія, Гизель долгое время былъ въ Малороссіи духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Историкъ южно-русской церкви и историкъ южно-русской литературы съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на Гизелѣ, первый, потому что Гизель участвовалъ во многихъ важныхъ церковныхъ событіяхъ XVII столѣтія, второй потому, что «Синописисъ» Гизеля имѣлъ вліяніе на развитіе русской исторіографіи, потому еще, что въ «Мирѣ» Гизеля до нѣкоторой степени обнаруживаются умонастроеніе и нравственный характеръ эпохи.

Гизель принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ въ нашей исторіи иностранцевъ, которые, поселившись въ Россіи, отдали ей весь свой умственный трудъ, всю свою энергію посвятили на пользу своего цоваго отечества. Въ Малороссіи въ XVII ст. было два такихъ иностранца, Иннокентій Гизель и Адамъ Зерникавъ; оба нѣмцы, оба приняли православіе, и тотъ и другой писали въ защиту православія.

Иннокентій Гизель родился въ Пруссіи, въ реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ-же получилъ первоначальное образованіе. Въ молодые годы онъ пришелъ въ Кіевъ и здѣсь принялъ православіе. Какія обстоятельства привели Гизеля въ Украину, что побудило его принять православіе, когда произошла перемѣна вѣроисповѣданія,—все это вопросы открытые, на которые древніе акты и лѣтописи не даютъ никакого отвѣта. Молодость Гизеля покрыта такимъ-же густымъ мракомъ неизвѣстности, какъ молодость знаменитыхъ его современниковъ, Барановича и Галитовскаго. Гизеля могла привести въ Малороссію жажда познаній, стремленіе ознакомиться съ православіемъ среди прямыхъ его послѣдователей и исповѣдниковъ, стремленіе ознакомиться вообще съ религіозными исповѣданіями въ южной и западной Россіи, исповѣданіями разнообразными и многочисленными, съ разными сектантскими отбѣнками. Могъ Гизель явиться въ Украину, какъ простой, мирный поселенецъ. Что нѣмецкія поселенія были въ Малороссіи уже въ XVI и XVII ст., доказываетъ современный малорусскій языкъ, въ лексическомъ составѣ котораго нѣмецкія слова составляютъ значительный процентъ. Какія-бы однако обстоятельства ни привели Гизеля въ Малороссію, для Малороссіи человѣкъ этотъ оказался дорогимъ пріобрѣтеніемъ. Онъ слился душой съ пріотившимъ его народомъ, принялъ его вѣру и сталъ служить своему новому отечеству честно и усердно.

Въ столь бурную эпоху, какъ XVII вѣкъ въ Малороссіи, въ періодъ военной и религіозной борьбы, можно было выдвинуться или подвигами военными или трудами богословскими. Незвѣстныя намъ обстоятельства, а можетъ быть личныя наклонности и душевныя свойства Гизеля привели его на этотъ послѣдній путь, доставившій ему впоследствии столь славную извѣстность; онъ принялъ монашество, получивъ, вѣроятно, при этомъ имя Иннокентія, вмѣсто имени, полученнаго при крещеніи, которое осталось неизвѣстнымъ, и пошелъ въ науку.

Особеннымъ счастьемъ для Гизеля было то, что онъ пришелъ въ Малороссію въ эпоху наибольшаго религіозно-уметвеннаго ея возбужденія и когда судьбы южно-русской церкви находились въ рукахъ такого высоко-даровитаго, энергическаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Петръ Могила, сперва печерскій архимандритъ,

дрить, потомъ кievскій митрополитъ. Имѣя въ виду учредить въ Кіевѣ коллегію и нуждаясь въ знающихъ и способныхъ учителяхъ, Петръ Могила избралъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей и послалъ ихъ на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству. Къ числу этихъ людей принадлежалъ Иннокентій Гизель, на что имѣется цѣнное документальное указаніе. Гавріиль Домецкій, который самъ учился въ кievо-братскомъ училищѣ, въ концѣ семнадцатаго вѣка писалъ къ новгородскому митрополиту Іову: «Пославъ Петръ Могила отъ всея капитулы кievскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разные государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель». Неизвѣстно, кто были товарищи Гизеля по заграничному путешествію; митрополитъ Макарій полагаетъ, довольно гадательно, что, кромѣ Гизеля, за границу были отправлены Софроній Почаскій, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ и Іосифъ Кононовичъ Горбацкій¹⁾. Это были «люди, испытанные въ святомъ восточномъ православіи, искусные въ знаніи свободныхъ наукъ и благочестивые», какъ засвидѣтельствовалъ самъ митрополитъ Исаія Копинскій, со всѣмъ духовенствомъ, въ своемъ письменномъ удостовѣреніи отъ 5 января 1632 г. Неизвѣстно, въ какихъ заграничныхъ университетахъ учился Гизель, сколько времени онъ провелъ на западѣ и какія познанія вынесъ отсюда²⁾. По его «Синопису», въ которомъ онъ обнаружилъ наклонность къ дѣятельности исторіографа, и «Миру», въ которомъ онъ трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ христіанина, можно заключить, что Гизель, кромѣ богословія, слушалъ за границей исторію и юриспруденцію. Понятно, что пройденная имъ въ молодости школа по тому времени не могла быть иною, какъ только схоластическою, и Гизель всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ нея доктринерства, формализма, неумѣренной наклонности къ мелочнымъ де-

¹⁾ Макарій, Ист. рус. ц., т. XI, стр. 409.

²⁾ Св. Димитрій Ростовскій замѣтилъ въ своей «Шрамѣ», что Гизель учился «въ разныхъ школахъ, до которыхъ и черезъ моря путешествовалъ». (Сочин. III. 626). Можно думать, что Гизель былъ въ Англій.

финиціямъ. Весьма возможно, что схоластическая западно-европейская школа, гдѣ преобладало полемическое богословіе, содѣйствовала развитію въ Гизелѣ наклонности къ бранной и рѣзкой полемикѣ. Если однимъ южно-русскимъ ученымъ, напримѣръ, скромному Барановичу, не нравилась рѣзкость полемическаго тона и діалектическій задоръ Гизеля, то другимъ, напр., Петру Могилѣ, эти свойства Гизеля прилились по вкусу. Самъ Петръ Могила любилъ сильное и крѣпкое слово въ спорѣ съ латино-уніатами, любилъ выбрать своего противника по вѣрѣ «дурнемъ» или «толстобрюхимъ», какъ видно изъ его «Лиооса». Петръ Могила оцѣнилъ въ Иннокентіѣ Гизелѣ его богословскія познанія, его литературную бойкость, его ревность о православіи и предоставилъ ему мѣсто сначала учителя, потомъ профессора, наконецъ ректора коллегіи. Въ званіи ректора кievской коллегіи Гизель долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ ученой борьбѣ съ католиками и уніатами. Еще при жизни Петра Могила іезуитъ Николай Циховичъ вызвалъ Гизеля на публичныя религіозныя пренія, которыя продолжались три дня ¹⁾. Во время кончины Петра Могила и избранія Сильвестра Коссова въ кievскіе митрополиты, т. е. въ началѣ 1647 г., Иннокентій Гизель состоялъ игуменомъ братскаго монастыря и ректоромъ кievской коллегіи, какъ видно изъ его подписи подъ актомъ избранія митрополита Сильвестра Коссова ²⁾. Петръ Могила передъ кончиной своей смотрѣлъ на Гизеля, какъ на главнаго покровителя коллегіи и не задолго до смерти поручилъ ему употребить всѣ старанія на улучшеніе этого дорогаго учрежденія. Гизель свято исполнялъ завѣтъ своего знаменитаго покровителя. Онъ пользовался всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы поднять значеніе коллегіи въ педагогическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Такъ, онъ привлекъ въ число ея преподавателей талантливаго Барановича; при немъ здѣсь учились Галятовскій, Славинецкій, Сатановскій, вѣроятно, Симеонъ Полоцкій. Въ 1649 г. царь вызвалъ на службу въ Москву ученыхъ кievскихъ иноковъ, Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. По этому поводу Гизель писалъ царю 8 іюня 1649 г.: «По желанію нашему приличное время

¹⁾ Страдомскій, «Лазарь Барановичъ» въ Ж. М. Н. Пр., т. LXXV, стр. 55.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, II, 346.

обрѣтаемъ, егда царское ваше величество отъ нашего собора учителей себѣ на богоугодную службу призываетъ». Онъ писалъ царю, что на содержаніе коллегіи средства давалъ сначала ея учредитель Петръ Могила, а послѣ его смерти нѣкоторые благородные и благочестивые люди; такъ какъ во время начавшихся войнъ Хмельницкаго одни благотворители были убиты, другіе обѣднѣли, то братія братскаго монастыря обращается къ общему благодѣтелю царю съ просьбой о помощи¹⁾. Такъ началъ свои сношенія съ Москвой Гизель; впоследствии эти сношенія были очень часты, по разнымъ поводамъ, монастырско-хозяйственнымъ и политическимъ. Близкое знакомство Гизеля съ царемъ произошло въ іюль 1654 г. Въ этомъ году Гизель состоялъ игуменомъ никольскаго монастыря и былъ посланъ къ царю отъ митрополита и всего малорусскаго духовенства съ просьбой объ утвержденіи и правъ привилегій, данныхъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ отъ польскихъ королей. Онъ представилъ царю грамоты митрополита Сильвестра Коссова, печерскаго архимандрита Іосифа Тризны, черниговскаго епископа Зосимы Прокоповича, игумена кіево-архангельскаго златоверхаго монастыря Θεодосія Василевича, намѣстника кіевского братскаго монастыря Θεодосія Софоновича, съ рекомендательными и одобрительными письмами Богдана Хмельницкаго и Ив. Выговскаго. Въ грамотахъ заключались большею частью просьбы объ утвержденіи правъ на маестности, о выдачѣ жалованья, иконъ, ризъ, книгъ. Эта высокая миссія Гизеля показываетъ, какимъ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ онъ пользовался среди малорусскаго духовенства. Что гетманъ Богданъ Хмельницкій и генеральной писарь Выговскій также съ большимъ уваженіемъ относились къ никольскому игумену, видно изъ данныхъ ими Гизелю одобрительныхъ грамотъ: «Пречестный господинъ отецъ Иннокентій Кгизель, писалъ Богданъ Хмельницкій царю, игумень никольскій, бывши учителемъ монастыря братскаго училищъ кіевскихъ, послужилъ много церкви Божіей ученіемъ и за вѣру много пострадалъ, и много имѣнія монастырскаго ляхи и литва разграбили»²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III., № 323.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, X., 717, 755, 736.

Въ чемъ состояли главныя желанія малорусскаго духовенства и его уполномоченнаго Гизеля, видно изъ статей, которыя представилъ Гизель царю отъ имени митрополита Сильвестра. Въ статьяхъ излагались просьбы: 1) чтобы государь изволилъ утвердить вольности и привилегіи малорусскаго духовенства, дарованныя великими князьями кievскими и польскими королями; 2) чтобы малорусское духовенство не было отдалено отъ послушанія константинопольскому патріарху; 3) чтобы кievскій митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены пребывали до смерти каждый при своей должности, а преемники на мѣста ихъ поступали по вольному избранію духовныхъ и мірянъ, и чтобы московскихъ духовныхъ на ревизію и на всякія начальства въ Малороссію государь не присылалъ; 4) чтобы признано было за кievскимъ митрополитомъ право безапелляціоннаго суда надъ духовными лицами и виноватое духовенство не отсылалось въ Великороссію; 5) чтобы православные въ Литвѣ и на Волини свободно могли сносятся съ кievскимъ митрополитомъ, какъ своимъ пастыремъ; 6) чтобы церквамъ и монастырямъ были возвращены неправильно отнятыя у нихъ имѣнія и въ замѣнъ имѣній, оставшихся въ Литвѣ и на Волини, даны были другія имѣнія вблизи Кіева; 7) чтобы никого изъ малорусскихъ духовныхъ лицъ насильно не тягали въ Москву, а если кому изъ нихъ случится по дѣламъ быть въ Великороссіи, то чтобы они не были тамъ задерживаемы.

Представляя государю всѣ эти статьи въ русскомъ станѣ подѣ Смоленскомъ, Гизель говорилъ: «кievскій митрополитъ бьетъ съ нами челомъ вашему царскому величеству о всѣхъ вольностяхъ и правахъ, но наиболѣе о первой вольности, которая служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей и правъ, о послушаніи нашему верховнѣйшему пастырю константинопольскому, до котораго насъ и право Божіе чрезъ св. ап. Андрея и каноны св. отецъ прилучили и совокупили»...

Московскому правительству именно эта «первая» вольность малорусскаго духовенства особенно не нравилась. Вполнѣ забрать въ руки малорусское духовенство, устранить малорусскія особенности религіознаго быта можно было не иначе, какъ перешагнувъ или ниспровергнувъ эту «первую» вольность. Малорусское посольство предстало передъ царемъ въ іюлѣ 1654 г.; но уже въ

мартѣ этого года царемъ было объявлено роковое для малорусскаго духовенства рѣшеніе: «а митрополиту кіевскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи быть подѣ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго»¹⁾. Практическое осуществленіе этого рѣшенія было лишь вопросомъ времени; московское правительство могло его отложить до поры до времени, но не могло и не хотѣло отмѣнить: этого требовалъ самый ходъ церковно-историческихъ событій, это истекало изъ всего политическаго строя московскаго государства. Для московскихъ людей XVII ст. просьба малороссіянъ о сохраненіи вольностей должна была звучать очень странно, и самое слово «вольность» должно было представляться чѣмъ то еретическимъ.

Посольство малорусское къ царю не имѣло успѣха. Главныя статьи были отклонены. Царь обѣщалъ Гизелю обсудить ихъ, по возвращеніи въ Москву. Кіевскому воеводѣ была послана царская грамота, чтобы онъ не вступалъ въ духовныя дѣла. Государь пожаловалъ Гизеля и выѣстъ съ нимъ прибывшаго подѣ Смоленскъ Климентія Старушича (игумена выдубицкаго монастыря) соболями и деньгами. Кромѣ того, съ Гизелемъ отправлены были въ Кіевъ митрополиту Силвестру сорокъ соболей во сто рублей, епископу Зосимѣ и печерскому архимандриту Іосифу по сороку соболей, въ семьдесятъ рублей каждый сорокъ, да въ монастыри златоверхомихайловскій и выдубицкій на церковное строеніе по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждый²⁾.

Въ 1656 году Иннокентій Гизель получилъ высокій санъ архимандрита кіево-печерской лавры,³⁾ въ которомъ пробылъ двадцать семь лѣтъ, до самой своей кончины. Печерская лавра, какъ ставропигія константинопольскаго патріарха, не зависѣла отъ кіевскаго митрополита; ея настоятель былъ властнымъ, вліятельнымъ, ни отъ кого въ Малороссіи независимымъ лицомъ; въ его рукахъ находились громадныя монастырскія маетности; печерскій архимандритъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ церковныхъ событіяхъ въ Малороссіи. Московское и польское правительства одинаково соз-

¹⁾ Макарій. Ист. рус. ц., т. XII, стр. 83.

²⁾ Тамъ-же., т. XII, стр. 82.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, II, 346.

навали его нравственную силу въ краѣ и въ смутныя эпохи склоняли его на свою сторону посылкой тайныхъ агентовъ или подарками, причѣмъ успѣхъ имѣло лишь правительство московское. На высокій постъ печерскаго архимандрита возводились люди всегда достойные, соединявшіе благочестіе съ образованностью. Необходимость серьезнаго научнаго и литературнаго развитія печерскаго архимандрита обуславливалась тѣмъ, что ему часто приходилось вести литературную борьбу съ католиками и униатами, давать одобреніе и разрѣшеніе на печатаніе въ лаврской типографіи книгъ, послѣ предварительнаго просмотра рукописи, удовлетворять любознательности пріѣзжавшихъ въ Кіевъ ученыхъ иностранцевъ. При избраніи архимандрита печерскаго имѣли также въ виду, чтобы кандидатъ на это высокое званіе былъ человѣкъ дѣятельный, хозяйственный, расчетливый, съ яснымъ практическимъ умомъ, такъ какъ только такой человѣкъ могъ достаточно хорошо завѣдывать обширнымъ лаврскимъ имуществомъ и отстаивать его неприкосновенность отъ многочисленныхъ сосѣдей. Всѣми этими качествами Гизель обладалъ вполне. Это былъ человѣкъ умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный». Онъ могъ выдержать ученый диспутъ съ католиками, могъ составить богословское полемическое сочиненіе. Кроме того, это былъ человѣкъ яснаго пракческаго ума. Свободный отъ увизительнаго корыстолюбія, ни разу не обнаруживъ желанія захватить чужую собственность, какъ-бы плохо она ни лежала на лаврскихъ земельныхъ гранницахъ, Гизель твердо и энергично отстаивалъ неприкосновенность и цѣлость лаврскихъ маестностей и отстаивалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что сносился непосредственно съ царемъ и сумѣлъ обратить его вниманіе и благотворительность на лавру.

Въ XVII и отчасти въ XVIII ст. печерская архимандрія считалась ближайшей ступенью къ кіевской митрополичьей кафедрѣ. Многіе печерскіе архимандриты удостоены были званія митрополита кіевского; напримѣръ, Петръ Могила, Варлаамъ Ясинскій, Іосифъ Кроковскій, Тимофей Щербацкій. Черезъ годъ послѣ избранія Гизеля архимандритомъ печерской лавры, онъ выставленъ былъ кіевскимъ духовенствомъ, какъ самый достойный кандидатъ на мѣсто кіевского митрополита, послѣ смерти Сильвестра Коссова. Заявляя объ этомъ царскому послу Кикину, кіевское духовенство высказа-

лось въ томъ смыслѣ, чтобы Гизель, по избраніи, былъ рукоположенъ московскимъ патріархомъ и состоялъ подъ властью послѣдняго. Трудно судить, насколько искренно было послѣднее заявленіе. Подъ Смоленскомъ въ 1654 г., въ Кіевѣ въ 1666 г., вообще неоднократно Гизель выражалъ свое и всего духовенства желаніе остаться въ зависимости исключительно отъ константинопольскаго патріарха. Какъ-бы ни было, 18 ноября 1657 г. состоялся предварительный съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для избранія митрополита. На съѣздъ прибылъ только-что избранный въ гетманы Выговскій, затѣмъ черниговскій епископъ Лазарь Бараповичъ, виленскій архимандритъ Іосифъ Тукальскій, черниговскій архимандритъ Іосифъ Мещериновъ и намѣстники львовскаго и перемышльскаго епископовъ. На съѣздѣ не было многихъ духовныхъ лицъ, не было епископовъ, — Арсенія Желиборскаго, Діонисія Балабана, ни самаго Гизеля, не было ни одного кіевскаго архимандрита, ни одного кіевскаго игумена. Не явились на съѣздъ и царскіе воеводы. По мнѣнію митрополита Макарія, кіевское духовенство потому уклонилось отъ участія въ съѣздѣ, что не разсчитывало на избраніе въ митрополиты Гизеля¹⁾. На съѣздѣ выбирали на кіевскую митрополию Діонисія Балабана, Іосифа Тукальскаго и Арсенія Желиборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились и отложили выборы до 6 декабря. Весьма возможно, что Гизель самъ не пожелалъ конкурировать съ малорусскими іерархами въ достиженіе митрополичьяго сана и добровольно уклонился отъ избранія на постъ митрополита, чтобы сохранить расположеніе духовенства и правительства. Ему нельзя было не видѣть, какъ съ одной стороны все южно-русское духовенство усиливало оставаться подъ духовнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха и какъ съ другой правительство московское неуклонно стремилось къ подчиненію малорусскаго духовенства московскому патріарху, и ничего нѣтъ удивительнаго, если Гизель не пожелалъ попасть между наковальной и молотомъ и благоразумно предпочелъ ограничиться печерской архимандріей, которая въ матеріальномъ отношеніи была лучше обставлена, чѣмъ самая митрополія. На съѣздѣ 6 декабря въ кіевскіе митрополиты избранъ былъ луцкій епископъ Діонисій Балабанъ.

¹⁾ Макарій, Ист. рус. ц., т. XII, стр. 541.

Что Гизель добровольно могъ уклониться отъ кандидатуры въ митрополиты, на это указываетъ еще и то, что онъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Лазаремъ Барановичемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ созваніи съѣздовъ, а при избраніи митрополитомъ Діонисія не сталъ въ враждебныя или холодныя отношенія и къ этому послѣднему, чего не могло-бы случиться, если-бы Гизель имѣлъ серьезныя домогательства занять митрополией столъ и былъ кѣмъ либо отстраненъ отъ того, на что онъ имѣлъ весьма солидное право по своему іерархическому положенію и образовательному цензу.

Новоизбранный митрополитъ Діонисій скоро оставилъ Кіевъ, передавшись вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ Польшѣ, по гадяцкому договору. Какъ извѣстно, договоръ этотъ сулилъ Малороссіи великія и богатыя милости: свободу вѣроисповѣданія, свободу печати, административную и политическую автономію. Осторожный и благоразумный Гизель не повѣрилъ широкимъ польскимъ обѣщаніямъ. «Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, писалъ кіевскій воевода къ царю, тебѣ, великому государю, служить вѣрно, и гетману и полковникамъ говорить, не боясь отъ нихъ ничего». Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ въ письмѣ своемъ отъ 25 мая 1659 г. къ боярину князю А. Н. Трубецкому, командовавшему московскими войсками въ Малороссіи, между прочимъ извѣщалъ его: «митрополитъ кіевскій и всѣ владыки и архимандриты, какъ Тукальскій, Василевичъ (игумень слуцкій) и протопопы нѣкоторые до Варшавы къ королю на сеймъ поѣхали, на нечестивое собраніе. Только отецъ Гизель, игумень межигорскій отецъ Варнава и отецъ Клементій Старуничъ, игумень выдубицкій, непоколебимо стоятъ; а отецъ Барановичъ тако-жь въ печерскомъ монастырѣ немощенъ»¹⁾.

Не смотря на очевидную готовность Гизеля служить московскому государству, его обитель и принадлежавшія ей обширныя маестности много страдали отъ великорусскихъ ратныхъ людей. Стоявшее въ г. Кіевѣ и Малороссіи московское войско поступало здѣсь какъ-бы въ непріятельской странѣ: недостатокъ дисциплины и крайняя бѣдность влекли его къ грабежу и кражамъ, а отъ нихъ доставалось нерѣдко и управляемой Гизелемъ обители печерской.

¹⁾ Макарій, Ист. рус. ц., т. XII, стр. 553.

«Обидь и насилій нашихъ, писалъ Гизель 16 іюня 1661 г. къ царю, яже ратные люди кіевскіе разными времяны обители святой печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе прежде вотчины и хуторы пресвятой Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы опровержены, тайны святаы съ сосудовъ пометаны, священники обнажены, иноки за выю связаны, біены, порублены, а иные и на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и пожитковъ своихъ разорены, а иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены, прочіи-же на смерть побиты. Также и въ самой святой обители и въ больницѣ хлѣбные запасы, которыхъ себѣ на 2400 рублевъ рещи смѣемъ, сильно потравлены, кромѣ запасовъ съ нашего мѣстечка поиманы. Отселѣ намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинять, и по нашему челобитію ихъ не наказуютъ и управы святой не чинять»¹⁾.

И тѣмъ не менѣе Гизель искренно и усердно служилъ интересамъ московскаго государства и былъ вѣрнѣе царю. Своимъ авторитетнымъ словомъ онъ склонялъ малороссіянъ на сторону Москвы, упранивалъ и убѣждалъ самаго Дорошенка «не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣniająть, и уговаривалъ его покориться православному монарху московскому»²⁾. Когда московскія войска терпѣли недостатокъ въ провіантѣ или долгое время не получали жалованья, что случалось нерѣдко и доводило ратныхъ людей до нищенскаго состоянія, Гизель оказывалъ имъ пособіе или давалъ займы деньги царскимъ воеводамъ, которыя потомъ уплачивались царской казной³⁾. При благоприятномъ случаѣ, Гизель оберегалъ честь и доброе имя Москвы. Такъ въ 1669 г. онъ, по просьбѣ царя, выслалъ въ Москву пасевиль, составленный въ Польшѣ на московское государство. Вручая пасевиль подъячему Максиму Алексѣеву для доставки въ Москву, онъ не сказалъ ему, что это за книга, чтобы, какъ онъ писалъ въ Москву, «о той книгѣ не было явно». Когда по этому дѣлу пріѣхалъ въ Кіевъ подъячій Михаилъ Савинъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. V, № 69.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 15.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. XII, № 119.

то Гизель сказалъ ему, что онъ давно хотѣлъ отослать пасквиль къ царю, но не посмѣлъ отправить, чтобы въ Москвѣ его, Гизеля, не сочли авторомъ пасквиля ¹⁾. Гизель увѣдомлялъ московское правительство объ интригахъ поляковъ, отсылалъ въ Москву польскіе «предестные» листы, знакомилъ царя и воеводъ съ внутреннимъ состояніемъ Малороссіи.

Расположеніе къ Москвѣ вліятельнаго и популярнаго Иннокентія Гизеля имѣло большое значеніе, и наиболѣе опытные московскіе политики понимали это значеніе и старались закрѣпить московскія симпатіи печерскаго архимандрита царскимъ жалованьемъ. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину въ 1667 г., что печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣють. Хорошо было-бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ; также-бы отписать и къ прочимъ игуменамъ и братіи кіевскихъ монастырей, потому что черезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласное и развратное» ²⁾.

Но услужливость Гизеля Москвѣ имѣла строго опредѣленные границы. Она кончалась тамъ, гдѣ начинались крупныя малорусскіе національныя интересы. Въ сохраненіи вольностей малорусскаго духовенства Гизель былъ твердъ. Въ 1666 г. онъ рѣшительно заявилъ московскому послу Іонѣ Леонтьевичу, что, въ случаѣ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ великоросса, о чемъ просилъ въ Москвѣ гетманъ Брюховецкій, онъ, собравъ старцевъ, запрется въ монастырѣ ³⁾. Въ томъ-же году, 3 мая, въ печерской лаврѣ былъ обѣдъ; обѣдали московскій посоль Фроловъ, епископъ Мееодій, Иннокентій Гизель, много другихъ духовныхъ лицъ, кіевскій полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда пошли въ архимандричью келью и здѣсь пили здоровье боярѣ и окольныхъ. На предложеніе Фролова выпить за здоровье гетмана, духовенство крикнуло: «онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ; бывши въ Москвѣ, онъ великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобы въ Кіевѣ быть москов-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 39.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XII, стр. 17.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VI, № 147.

скому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ-бы невѣрными»¹⁾.

Отношеніе московскаго правительства къ Гизелю опредѣлялось степенью услужливости послѣдняго. Въ Москвѣ знали, что Гизель вовсе не расположенъ подчиниться московскому патріарху, знали, что онъ не продастъ малорусскія вольности ни за какія сороки соболей, и потому не совсѣмъ ему довѣряли и не выдвигали его на первое іерархическое мѣсто въ Малороссіи, кіевскую митрополію. Московское правительство не могло однако не цѣнить въ лицѣ Гизеля своего полезнаго и вліятельнаго сторонника. Гизель получалъ большія награды и подарки отъ царя. Такъ въ 1669 г. царь прислалъ печерской лаврѣ черезъ боярина Козловскаго пять сороковъ соболей и пятьсотъ червонныхъ золотыхъ²⁾. Московское правительство обѣщало Гизелю безопасное убѣжище, въ случаѣ турецкаго нашествія. Такъ въ августѣ 1674 г. Гизель просилъ царя позволить ему, въ случаѣ турецкаго нападенія на Кіевъ, перевезти лаврскія драгоценности въ Путивль или въ другое безопасное мѣсто, по указанію царя. Въ отвѣтной грамотѣ царь разрѣшилъ перевезти лаврское золото и серебро, въ случаѣ турецкаго нашествія, изъ печерскаго монастыря въ г. Кіевъ. Кіевскому воеводѣ князю Трубецкому былъ посланъ при этомъ приказъ «печерскаго архимандрита принять съ учтивостью»³⁾. Повидимому, печерскій архимандритъ рассчитывалъ, что царь дастъ лаврѣ одинъ изъ близкихъ къ малорусской границѣ великорусскихъ монастырей. 8 марта 1680 г. Гизель отправилъ въ Москву посольство изъ старцевъ Паисія, Варлаама Ясинскаго и писаря Ивана Армашенка съ просьбой къ царю пожаловать лаврѣ какой-либо монастырь въ Брянскѣ или въ Трубчевскѣ, гдѣ-бы печерскій архимандритъ могъ-бы поселиться, въ случаѣ непріятельскаго нашествія⁴⁾. Въ 1681 г. царь Феодоръ Алексѣевичъ почтилъ Гизеля тѣмъ, что выслалъ ему въ подарокъ «Обѣдъ душевный», книгу Симеона Полоцкаго, которая одновременно была послана гетману

¹⁾ Соловьевъ, т. XI, стр. 216; Акты южн. и запад. Россіи, т. VI, № 103.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 71.

³⁾ Тамъ-же, т. XI, № 169.

⁴⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малор. дѣла, связка 52.

Самойловичу, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому ¹⁾. Послѣ смерти царя Θεодора, молодые цари Иоаннъ и Петръ (вѣрнѣе, правительница царевна Софья) были благосклонны къ Гизелю. Такъ, въ 1683 г. они выслали въ кievo-печерскую лавру священныя одежды, чтобы здѣсь поминали царя Θεодора, и Гизель въ письмѣ отъ 20 августа 1683 г. благодарилъ царей за ихъ подарокъ лаврѣ ²⁾.

Бывъ открытымъ сторонникомъ Москвы, хотя въ извѣстныхъ границахъ, и пользуясь ея расположеніемъ, Гизель тѣмъ самымъ затруднялъ и усложнялъ свои мѣстныя отношенія къ выдающимся лицамъ малорусской старшины и духовенства, но поддерживалъ оныя, если не всегда съ успѣхомъ, то всегда съ достоинствомъ и искусствомъ.

Къ несчастному митрополиту Іосифу Тукальскому Гизель питалъ дружеское расположеніе и по мѣрѣ своихъ силъ поддерживалъ его. «Изъ давнихъ лѣтъ мнѣ и всѣмъ есть се достовѣрно, писалъ Гизель къ царю 20 марта 1669 г., что преосвященный Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, иже отъ православныхъ прежде лѣтъ пяти въ архіепископа и митрополита кievскаго избранъ, а сего году святѣйшимъ Меѳодіемъ, патриархомъ константинопольскимъ присланною сакрою и экзаршествомъ благословенъ, мужъ мудрый, благочестивый, во всемъ искусный, православія преславный ревнитель, вѣры святыя восточныя столбъ непоколебимый, вашему же ц. п. величеству отъ всего сердца временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель и работати вѣчно доброхотенъ... А преосвященнаго митрополита Іосифа за его ревность ко православію и весь чинъ здѣшній благоволилъ... Никому онъ ни въ чемъ не виноватъ, развѣ что твердый охраненія православія тцатель; во всемъ-бо своемъ вѣку за сіе до-нынѣ гонимъ бывалъ много отъ иновѣрныхъ и враждою Тетериною страдалъ, отъ престола своего епископіи бѣлорусской и отъ прочихъ монастырей православныхъ, аще и привилія на нь отъ королевскаго величества имѣлъ, отторженъ безъ вины, и его монастыри и церкви на унию и римскую вѣру насиліемъ взяты и на самого тяжкія грозы были и для чего здѣ на Украинѣ, идѣ-же еще православіе не искоренилось, отгѣхати понужденъ, и

¹⁾ Моск. Архивъ Мнн. Ин. Д., Малорос. д., связка 56 и 57.

²⁾ Тамъ-же, связка 60.

не согласуя инымъ на унию соизволяющимъ за тѣсноту... Досто-
вѣрно-бо есть намъ его по Бозѣ житіе и надѣмся, что и тѣмъ
козаки шатости и съ турки соединятся не похотятъ, егда сей
митрополитъ въ Кіевѣ по своему сану сидѣть будетъ, который и
вашему царскому величеству не безпотребенъ обращается: зѣло-бо
мужъ сей въ ученіяхъ и подвигахъ изъ древнихъ лѣтъ честенъ и
знаемъ, во всякихъ гоненіяхъ и иновѣрныхъ правахъ искусенъ и
разсудителенъ»¹⁾). О любви Гизеля къ Тукальскому писали и вое-
воды кіевскіе въ Москву. Въ томъ-же 1669 г., въ апрѣлѣ Гизель
снова просилъ царя признать Тукальскаго кіевскимъ митрополитомъ²⁾).
Но ходатайства Гизеля не имѣли успѣха. Въ Москвѣ не знали
ни прощенія, ни свисхожденія. Здѣсь признавали только наличную
услугу и расплачивались за нее соболями.

При гетманѣ Брюховецкомъ блюстителемъ митрополичьей ка-
ведры былъ свѣже-посвященный въ Москвѣ изъ протопопа нѣжин-
скаго въ епископы мстиславскіе Меодій Филимоновичъ, человекъ
умный, но крайне пронырливый, насквозь пропитанный ложью,
честолюбецъ и интриганъ первой руки. Между Гизелемъ съ одной
стороны и Меодіемъ и Брюховецкимъ съ другой существовали
враждебныя отношенія. Гизель сильно недолобливалъ выскочку
Меодія и старался посадить на его блюстительское мѣсто своего
талантливаго друга Лазаря Барановича; но направленныя къ тому
попытки кіевскаго духовенства не имѣли успѣха. Епископъ Ме-
одій, по своему обыкновению, постарался повредить Гизелю пу-
темъ доноса и обвиненія его въ сношеніи съ Дорошенкомъ. На до-
просъ боярина Шереметева, Гизель съ достоинствомъ отвѣтилъ,
что дѣйствительно писалъ чигиринскому гетману, но лишь о томъ,
чтобы онъ воспретилъ козакамъ грабить имѣнія печерскаго мона-
стыря. Брюховецкій притѣснялъ Гизеля грубымъ образомъ. Съ
его вѣдома и соизволенія козаки грабили лаврскія села, били мо-
настырскихъ крестьянъ, уводили коней и воловъ, безчестили мо-
наховъ. Архимандритъ просилъ у него защиты; но просьбы его
были пренебрежены, и потому онъ пересталъ молиться за гетмана.
Но когда Брюховецкому понадобилось помириться съ епископомъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 30.

²⁾ Тамъ-же, т. IX, № 41.

Меѳодіемъ, онъ съ просьбой о посредничествѣ обратился къ Иннокентію Гизелю¹⁾. Съ паденіемъ Брюховецкаго и Меѳодія, въ характерѣ которыхъ было много сходныхъ чертъ холопства и жестокости, съ устраненіемъ съ историческаго поприща этихъ худородныхъ дѣятелей, Гизель вздохнулъ свободно. Новый мѣстоблюститель кievской митрополіи Лазарь Барановичъ былъ искренній другъ Гизеля; замѣнившій въ гетманствѣ Брюховецкаго Демьянъ Многогрѣшный нравственно зависѣлъ отъ архіепископа Лазаря и въ значительной степени слѣдовалъ его указаніямъ, а слѣдующій затѣмъ гетманъ Самойловичъ самъ происходилъ изъ духовнаго званія, уважалъ духовенство и покровительствовалъ монастырямъ.

Многолѣтняя дружба Гизеля и Барановича ни разу не была нарушена. Былъ одинъ моментъ, когда Барановичъ, подбиваемый совѣтами новгородъ-сѣверскаго архимандрита Михаила Лежайскаго, хотѣлъ отнять у лавры нѣкоторыя села. Это было въ концѣ 1670 г. Гизель въ письмѣ отъ 10 января 1671 г. жаловался по этому поводу А. С. Матвѣеву на Лежайскаго²⁾. Но это недоразумѣніе кончилось благополучно и нисколько не повредило дружбѣ Гизеля и Барановича. Гизель, отстаивая права лавры на разныя маестности, очень осторожно обходилъ тѣ пункты, гдѣ можно было столкнуться съ Барановичемъ. Такъ, въ 1669 г. 15 апрѣля Гизель просилъ царя признать за печерской лаврой ея древнее право владѣнія черниговской успенской церковью и новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ съ относящимися къ нимъ угодьями. «Тѣ предѣлы, писалъ Гизель въ своей челобитной, отъ печерскаго монастыря отняли ляхи, а нынѣ владѣеть ими отецъ архіепископъ Лазарь Барановичъ и отъ него архимандритъ (т. е. онъ Гизель) не хочетъ тѣхъ предѣловъ отнимать до смерти его, для его любви, а по его смерти, чтобы никому не отдавано, только монастырю печерскому и чтобы ц. п. величество грамотою подтвердилъ»³⁾. Между Гизелемъ и Барановичемъ шла частая переписка. Барановичъ сообщалъ ему всѣ свои душевныя желанія и мысли. Въ печати извѣстно 25 его писемъ къ печерскому архимандриту, и это лишь незначи-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 22, 41.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 85.

³⁾ Тамъ-же, т. VIII, № 43, стр. 148.

русская кн. 10634

тельная часть того, что было написано архієпископомъ Лазаремъ Гизелю. Есть основаніе думать, что Иннокентій Гизель благотворилъ Барановичу еще въ то время, когда завѣдывалъ коллегіей, а Барановичъ былъ здѣсь преподавателемъ. Барановичъ смотрѣлъ на печерскаго архимандрита, какъ на своего благодѣтеля. «Къ вамъ особенно, писалъ онъ Гизелю въ іюлѣ 1669 г., какъ къ давнишнему и единственному моему благодѣтелю, съ покорнѣйшею моею просьбою и со слезами обращаюсь» ¹⁾... «Въ знакъ благодарности моей его милости отцу архимандриту, писалъ Барановичъ Варлааму Ясинскому, а паче во славу св. мученика Иннокентія, я написалъ житіе его, изобразивъ въ общихъ чертахъ обстоятельства его мученичества» ²⁾... Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ столкновеніи Гизеля съ игуменомъ выдубицкимъ Феодосіемъ Углицкимъ изъ-за маетностей, архієпископъ Лазарь рѣшительно сталъ на сторону печерскаго архимандрита. «Сильно жалуется на васъ и жалобу изливаетъ на бумагу, писалъ Барановичъ Углицкому, преподобный отецъ нашъ архимандритъ печерскій, будто вы на лаврскихъ поляхъ приказываете бить до крови, обирать и истязать поселянъ, не довольствуясь тѣмъ, чѣмъ довольствовались ваши предмѣстники... Не нужно говорить вамъ, вы и сами знаете хорошо, какая особа въ церкви Божіей отецъ архимандритъ и сколько оказалъ онъ ей услугъ. Не прибавляйте къ скорбямъ его новыхъ скорбей, но, имѣя, по Апостолу, *миръ со всеми*, имѣйте его особенно съ лицомъ, заслуженнымъ въ церкви Божіей. Отецъ архимандритъ пишетъ, что онъ не желаетъ чужаго. Давно сказано: уступи старшему». Въ другомъ письмѣ отъ 2 октября 1674 г. Барановичъ писалъ Углицкому: «Сводилъ я васъ на святой миръ съ отцомъ архимандритомъ печерскимъ, думая, что вы смиритесь предъ нимъ, какъ предъ старшимъ и заслуженнѣйшимъ въ церкви Божіей; и хотя вы отчасти смирились было, но теперь изъ этого вина такой вышелъ крѣпкій уксусъ, что если вы и испіете его вдоволь для отца архимандрита ³⁾, то онъ, не хотя пить его, раз-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 98.

²⁾ Тамъ-же, стр. 94.

³⁾ Намекъ на малорусскій обычай, состоящій въ томъ, что хозяинъ, угощая своего пріятеля или гостя, сперва самъ пьетъ за его здоровье.

судилъ писать ко мнѣ, омочивши перо въ слезы, что славу его, достойно имъ снисканную своею ученостью, благочестіемъ и заслугами въ святой церкви, вы предъ знатными лицами рубите въ клочки. Безъ сожалѣнія я не могъ читать столь жалостнаго письма; да кто-бы изъ насъ православныхъ не почтилъ такую знаменитую и высокую въ церкви Божіей особу?»... Корыстолюбивыя замашки Углицкаго вывели наконецъ изъ терпѣнія архіепископа Лазаря, который въ званіи блюстителя митрополичьей каѳедры былъ духовнымъ начальникомъ выдубицкаго игумена и отъ совѣтовъ и назначенія могъ перейти къ приказанію и даже наказанію. Лазарь послалъ Углицкому рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: «принадлежащее (по завѣщанію) печерской обители вы забираете себѣ. Не знаю, угоденъ-ли будетъ при этомъ постъ вашъ?... Защищать собственность вашего монастыря вы можете невозбранно, но не обижая никого», и въ добавокъ къ письму наложилъ на Углицкаго запрещеніе. Углицкій смирился ¹⁾.

Барановичъ цѣнилъ въ Гизелѣ главнымъ образомъ его ученость. «Безъ лести скажу, милостивый благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю, что кромѣ пречестности твоей нѣтъ у насъ другаго для этого дѣла (т. е. борьбы съ католиками) Аристотеля»... Архіепископъ Лазарь охотно отдавалъ свои литературныя произведенія Иннокентію Гизелю на разсмотрѣніе и исправленіе. Такъ, посылая «Трубы», а потомъ «Лютню» въ лаврскую типографію, Барановичъ просилъ печерскаго архимандрита на досугъ пересмотрѣть тетрадки. «Если, по усмотрѣнію вашему, писалъ онъ, угодно будетъ что выбросить, то я охотно готовъ повиноваться и очень благодаренъ буду за ваше предостереженіе». Съ подобнаго рода просьбой Барановичъ обращался и къ другимъ кievскимъ игуменамъ. Что Иннокентій Гизель, печатая въ лаврской типографіи «Трубы» Барановича, предварительно ихъ просматривалъ и исправлялъ, свидѣтельствуетъ самъ Барановичъ. «За орошеніе евангельскаго сѣмени, писалъ онъ Гизелю, и истребленіе куколя премного благодаренъ вамъ; покорнѣйше прошу и впредь не оставлять, потому что трудъ мой долженъ подлежать суду церкви, и за то я буду вамъ весьма признателенъ» ²⁾.

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 178, 193, 194, 197.

²⁾ Тамъ-же, стр. 74—75.

Пользуясь благоразумными совѣтами печерскаго архимандрита, архіепископъ Лазарь давалъ въ свою очередь ему весьма полезные совѣты, побуждалъ его къ литературной дѣятельности и отчасти даже дѣйствовалъ на ея направленіе. Барановичъ былъ человекъ въ высшей степени дѣятельный и энергическій. Въ его слабомъ тѣлѣ скрывалась большая сила воли. Работая перомъ и живымъ словомъ, онъ призывалъ къ научной и литературной дѣятельности Гизеля, Галятовскаго, Софоновича, Зерникава. Такъ, Барановичъ убѣдилъ Гизеля составить возраженіе на сочиненіе Боймы «Stara wiaga», направленное противъ православія. «Держайте, благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю 31 августа 1668 г., совѣтую вамъ выдрюковать¹⁾ Бойму, хотя-бы изъ Кіева, безъ кія; побьютъ его порядочно и кіи порфіріанскаго дерева²⁾; вдоволь испортится у него крови; пусть только благополучно дѣло кончится». Гизель составилъ свое возраженіе Боймѣ при неустанномъ побужденіи со стороны архіепископа Лазаря. Тотъ-же Барановичъ побуждалъ Гизеля издать въ свѣтъ главное его сочиненіе «Миръ съ Богомъ» и затѣмъ расположилъ въ пользу этого сочиненія московскаго царя и патріарха. Узнавъ о томъ, что Гизель готовитъ къ печати «Миръ», Барановичъ писалъ ему: «Будемъ расквасываться, если книга о покаяніи не будетъ издана. Теперь во Израилѣ немного учителей... У васъ есть своя типографія и, по настоящему бѣдственному времени, дѣло это полезное... Теперь, когда открывается случай, пречестность ваша по предусмотрительности своей не оставьте воспользоваться имъ, чтобы предупредить народъ отъ ошибокъ. А намъ, прежде нежели ляжемъ въ могилу, дай Богъ радоваться о первенцахъ печерской типографіи. Пусть себѣ завистники терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею»³⁾. Когда «Миръ» былъ напечатанъ и отправленъ въ Мо-

1) Выдрюковать — побить палками, отъ слова дрюкъ; выдруковать — напечатать, отъ слова друкарня; у Барановича выходитъ каламбуръ, въ смыслѣ побить Бойму сочиненіемъ, какъ палкой.

2) Въ діалектикѣ порфіріанскимъ деревомъ назывался рядъ доказательствъ.

3) Письма Лазаря Барановича, стр. 30 и 49.

скву черезъ печерскаго старца Кирилла, Барановичъ писалъ къ царю 31 марта 1669 г.: «Ю-же книгу душеполезную отъ писма и святыхъ учителей собранную отъ миротворецъ съ милостію пріяти изволь». 4-го іюня были посланы Барановичу и Гизелю царскія грамоты съ извѣщеніемъ, что «Миръ» государемъ принятъ милостиво. «И мы, великій государь, наше царское величество, писалъ царь къ Барановичу, тому блюстителю (Антоніевыхъ пещеръ) Кириллу велѣли видѣть нашего ц. п. величества пресвѣтлыя очи и книгу у него приняли и, пожаловавъ его нашего царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить въ кіево-печерскій монастырь къ Иннокентію Гизелю, не задержавъ». Гизелю даны 200 руб., 200 четвертей ржи и утвердительная грамота на нѣсколько вновь пріобрѣтенныхъ монастырскихъ маестностей. Гизель благодарилъ царя за его милостивое принятіе «Мира» и за жалованье. 28 октября 1669 г. послана въ Кіевъ къ Гизелю царская грамота, съ обѣщаніемъ царскаго покровительства относительно лавры, посланы были при этомъ и деньги на сооруженіе монастырской колокольни ¹⁾.

Свѣтлымъ и отраднымъ проявленіемъ общественной жизни въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, было взаимное ученое и литературное содѣйствіе писателей, напр., Лазаря Барановича, Иннокентія Гизеля и Іоанникія Галатовскаго, Лазаря Барановича и Феодосія Софоновича, Дмитрія Туптала и Стефана Яворскаго. Литературная сообщительность отчасти обуславливалась тѣмъ, что всѣ эти писатели, со включеніемъ сюда и бѣлорусса Симеона Полоцкаго, были питомцами одного и того-же высшаго учебнаго заведенія, кіевской коллегіи, учились здѣсь почти въ одно и то-же время и, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, іерархическое ихъ положеніе было довольно сходно. Другая причина ихъ духовнаго единенія и взаимной поддержки кроется въ томъ, что главный врагъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же,—воинствующій католцизмъ. Что въ особенности должно было вызывать духовное единеніе между южно-русскими писателями второй половины XVII ст.,—это непогасшая еще искра національнаго малорусскаго самосознанія. Они отдѣлялись довольно рѣзкой

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, №№ 33 и 83; т. IX, № 26.

чертой самобытности отъ великорусскихъ того времени людей. Въ духовномъ отношеніи они ничего не заимствовали отъ нихъ, напротивъ, по причинѣ крайняго культурнаго ихъ убожества, сами удѣляли имъ часть своихъ познаній и служили для нихъ учителями. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей украинской наукой и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожить представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда главнымъ образомъ происходила нравственная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мысли и взаимная поддержка. Какъ ни слабо было національное ихъ самосознаніе, все таки оно въ нихъ теплилось, согрѣвало ихъ, укрѣпляло ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, удвояло ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обезпечивало за ними значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и приводило къ литературному повороту.

Обращаясь за симъ къ общественной дѣятельности Иннокентія Гизеля въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ и опредѣленію ея относительно пріютившаго его народа, мы должны сказать, что можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно вѣрно. Ни одинъ социологъ не открылъ еще точныхъ способовъ вымѣрять историческое значеніе общественнаго дѣятеля. Историкъ приходится старательно собирать разнообразныя обрывки и обломки минувшаго, тщательно ихъ сопоставлять, сравнивать, углубляться въ минувшее мыслью, согрѣвать мертвую старину своимъ чувствомъ, искать поддержки въ своемъ собственномъ, дисциплинированномъ въ научномъ смыслѣ воображеніи и отгадывать то, что скрыто документальными памятниками, и такимъ путемъ, на основаніи старинныхъ актовъ, продуманныхъ и прочувствованныхъ, создавать вѣрную дѣйствительности картину прошлой жизни, по крайней мѣрѣ, установить рядъ бытовыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательной органической связи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя и этимъ труднымъ и не всегда вѣрнымъ путемъ въ уясненіи мало извѣстной доселѣ личности Иннокентія Гизеля, нельзя не видѣть, какія великія и существенныя услуги оказалъ онъ Малороссіи своею дѣятельностью политической, просвѣтительною, литературною и филантропическою.

Услуги Гизеля, какъ политическаго дѣятеля, весьма разнообразны: въ этомъ отношеніи онъ широко пользовался своимъ высокимъ положеніемъ и близостію къ царю и возвышалъ свой голосъ за страну, которую считалъ родною, каждый разъ, когда къ этому представлялся поводъ или случай. Въмѣстѣ съ другимъ своимъ Барановичемъ и недругомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ, Гизель ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ Польшѣ по андрусовскому договору и чтобы великорусскіе ратные люди не опустошали малорусскихъ сель и монастырей ¹⁾. Ходатайствовалъ онъ и о томъ, чтобы на «сѣздахъ и договорахъ (москвичей съ поляками) Украина не была забыта». Такому ходатайству Гизеля въ Москвѣ былъ приданъ частный характеръ, и царь отвѣтилъ ему, что боярину Аѳанасію Нащокину предписано «съ прилежаніемъ о всемъ говорити (съ королевскими послами) и вся требованія св. лавры исполнити» ²⁾; но Гизелю совсѣмъ не того хотѣлось. Какъ Барановичъ и Многогрѣшный, и онъ, прибѣгая къ такой просьбѣ, имѣлъ въ виду, чтобы на московско-польскіе сѣзды о заключеніи мирнаго договора были допущены малорусскіе послы; но такое допущеніе не правилось москвичамъ и въ особенности было нежелательно гонористымъ полякамъ; поляки рѣшительно отклоняли вопросъ объ участіи малорусскихъ пословъ. Въ 1669 г. Гизель просилъ царя, чтобы малорусскихъ «духовныхъ людей воеводы не судили, въ чѣмъ и въ тюрьму не сажали» ³⁾. 30 ноября 1679 г. онъ обращается къ царю Федору Алексѣевичу по поводу универсала польскаго короля, приглашавшаго православныхъ въ Люблинъ для «нѣкотораго съ уніатами разговора» ⁴⁾. Какъ извѣстно, православные очень недовѣрчиво отнеслись къ устроеному уніатами люблинскому собору и уклонились отъ участія въ немъ.

Не менѣе почтенна просвѣтительная дѣятельность Гизеля, хотя объ ней мы имѣемъ болѣе общія, нежели фактическія свѣдѣнія.

Димитрій Туптало въ рѣчи своей, сказанной въ память и похвалу Иннокентія Гизеля, годъ спустя послѣ его смерти, замѣ-

¹⁾ Соловьевъ, т. XII, 141.; моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малорос. д., св. 50.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 26.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 43, стр. 148.

⁴⁾ Моск. Архивъ М. Ин. Дѣль. Малорос. дѣла, связка 53.

тиль, что «его учительныхъ словесъ послушаючи немощные, яко лекарствомъ подгрѣплялись». Гизель, какъ всѣ современные ему выдающіяся духовныя лица, говорилъ проповѣди. Проповѣдываніе слова Божія одно время даже было для него служебной обязанностью, какъ профессора, потомъ ректора коллегіи. По словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, Гизель «съ кафедръ простиралъ цѣлый неводъ проповѣди слова Божія о царствіи Божіи и тѣмъ ловилъ людей въ смиреніе и набожность» ¹⁾. Кажется впрочемъ, что Гизель не чувствовалъ въ себѣ расположенія къ дѣятельности проповѣдника и, съ переходомъ на высокую степень печерскаго архимандрита, совсѣмъ бросилъ проповѣдь. «Пусть кто речеть, говоритъ Дмитрій Туптало, что въ Бозѣ усѣпшій пастырь, взойдя на влательствы, а особливо въ сей святой высокой обители (т. е. лаврѣ), чести, не восходилъ уже на кафедру, не сказывалъ проповѣдей; такому отвѣтству: больше тотъ ловець премудрый Христовъ уловилъ самымъ своимъ добрымъ дѣломъ, нежели кто словомъ; больше тотъ научилъ набожнымъ своимъ житіемъ, нежели кто мудрою проповѣдью» ²⁾... Что Гизель не дорожилъ своими проповѣдями, видно изъ того, что онъ не напечаталъ ни одной проповѣди. Такъ какъ и въ рукописи не сохранилось ни одной его проповѣди, то нѣтъ возможности опредѣлить характера его проповѣдей, ихъ составъ, къ кому онѣ были обращены, сколько ихъ было, по какимъ образцамъ были составлены и насколько были понятны народу,—были-ли это схоластическія казанья, сухія и безцвѣтныя, какъ казанья Лазаря Барановича, или въ нихъ пробивалась живая струя современности, и онѣ по содержанию и изложенію подходили къ тѣмъ сильнымъ проповѣдямъ, драгоцѣннымъ остаткомъ которыхъ представляется превосходное «Слово во время бездождія и глада» ³⁾. Если принять во вниманіе, что Гизель получилъ образованіе въ схоластическихъ академіяхъ, то вѣроятнѣе будетъ предположить, что его проповѣди болѣе походили на проповѣди Барановича, чѣмъ на единственное въ своемъ родѣ «Слово о бездождіи».

¹⁾ Св. Дмитрій, м. ростовскій, сочиненія. Изд. 5, т. III, стр. 627.

²⁾ Тамъ же, стр. 628.

³⁾ Бѣлозерскій, южно-русскія лѣтописи, стр. 141.

Завѣдывая лучшей въ Малороссіи типографіей и лаврской бібліотекой, архимандритъ Иннокентій содѣйствовалъ современнымъ ему малорусскимъ писателямъ, Радивиловскому, Барановичу, Зерникаву въ ихъ литературныхъ и научныхъ работахъ; онъ снабжалъ ихъ нужными книгами и облегчалъ наборъ и печатаніе ихъ сочиненій. Нужно сказать, что типографія лаврская работала весьма медленно, и безъ содѣйствія Гизеля печатаніе сочиненія, особенно объемистаго, въ родѣ «Огородка» Радивиловскаго, «Меча» и «Трубъ» Барановича, могло затянуться на многіе годы. Медленность въ наборѣ и печатаніи происходила отъ малаго числа типографскихъ станковъ и отъ того, что въ смутное время козацкихъ войнъ наборщики часто разбѣгались ¹⁾. Что Гизель снабжалъ людей науки книгами, видно изъ автобіографіи Адама Зерникава.

Адамъ Зерникавъ, родомъ нѣмецъ, по вѣронсповѣданію лютеранинъ, въ молодыхъ лѣтахъ объѣхалъ Германію, Англію, Голландію, Францію, Италію, Австрію, повсемѣстно занимался въ бібліотекахъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ. Онъ приобрѣлъ большія свѣдѣнія по богословію, исторіи и фортификаціи. Натура крайне подвижная, благородный идеалистъ съ теплымъ религіознымъ чувствомъ, съ стремленіемъ принести пользу своими познаніями, въ добавокъ челоуѣкъ довольно честолюбивый, Зерникавъ пробрался въ Польшу, потомъ въ Литву, наконецъ въ Малороссію. Здѣсь онъ былъ обласканъ черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, принялъ, по его совѣту, православіе и поступилъ на службу къ гетману. Принявъ православіе въ Черниговѣ въ 1680 г., Зерникавъ отправился въ Кіевъ съ цѣлью познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ, «объ учености и добротѣ котораго онъ много слышалъ», какъ отмѣчено въ его автобіографіи. Что по ознакомленіи съ Гизелемъ Зерникавъ убѣдился въ его учености и добротѣ, видно изъ того, что, по возвращеніи въ Черниговъ, онъ началъ писать для Гизеля сочиненіе объ исхожденіи св. Духа, «*De processione Spiritus S.*» ²⁾. Когда Зерникавъ чувствовалъ недостатокъ въ книжныхъ пособіяхъ, не могъ отыскать необходимыхъ книгъ въ Батуринѣ или Черниговѣ, онъ находилъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 38.

²⁾ Труды кiev. дух. акад. 1860 г., т. III, стр. 187.

ихъ въ Кіевѣ, куда ѣздилъ за книгами, прочитывалъ здѣсь то, что ему было нужно, и даже забиралъ съ собою книги въ Батуринъ ¹⁾, гдѣ постоянно жилъ при гетманскомъ дворѣ. Можно думать, что Зерникава снабжалъ книгами не кто другой, какъ просвѣщенный архимандритъ печерскій.

Въ исторіи южно-русской литературы Гизело нельзя отвести много мѣста. Онъ немного писалъ, и его литературное вліяніе на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія незначительно. Вскорѣ по вступленіи его на печерскую архимандрію, въ 1661 году, съ его благословенія и подъ его наблюденіемъ издавъ былъ Печерскій Патерикъ. По замѣчанію архіепископа Филарета, въ этомъ изданіи патерика сильно испорченъ текстъ древнихъ повѣствователей ²⁾. Вторично Патерикъ Печерскій издавъ былъ при Гизелѣ въ 1678 г. ³⁾. Главнымъ произведеніемъ Гизеля, по объему книги и степени самостоятельности въ ея обработкѣ, представляется «Миръ съ Богомъ челоѣку», изданный въ Кіевѣ въ 1669 г., вторично тамъ-же въ 1671 г. «Сочиненіе не сильное», говоритъ о «Мирѣ» архіепископъ Филаретъ ⁴⁾, вѣроятно, съ догматической точки зрѣнія. Нельзя однако не признать за нимъ значительнаго интереса въ историко-литературномъ и историко-бытовомъ отношеніяхъ.

«Миръ съ Богомъ челоѣку» (въ л., 666 стран.) ⁵⁾ посвященъ царю Алексѣю Михайловичу. Въ началѣ книги находится вирша въ честь царя, царскій гербъ и прозаическое посвященіе книги царю. Любопытная особенность въ изображеніи царскаго герба состоитъ въ томъ, что подъ двуглавымъ орломъ изображенъ царь въ рыцарскомъ костюмѣ, за царемъ войско; передъ царемъ бѣгушіе поляки и татары въ ихъ національномъ вооруженіи. Замѣтивъ въ посвященіи о томъ, что царь защищаетъ печерскую лавру, Гизель въ особенности хвалитъ его за благотворительность. «Твоего царскаго

¹⁾ Труды кiev. дух. акад. 1860. III. 195.

²⁾ Филаретъ, Обзоръ р. дух. литер. I. 285.

³⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polski., т. VIII, стр. 273.

⁴⁾ Филаретъ, Обзоръ рус. дух. литер. I, стр. 285.

⁵⁾ Мы пользовались экземпляромъ «Мира», находящимся въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи. Экземпляръ этотъ принадлежалъ нѣкогда Стефану Яворскому и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отиѣтокъ, сдѣланныхъ рукой митрополита.

пресвѣтлаго величества всещедрыхъ даяній безчисленные суть свидѣтели, всякаго чина утѣшенные люди, иже изобильную милостыню отъ твоея десницы пріемше, веселымъ лицемъ возвращаются».

Въ предисловіи къ читателю Иннокентій Гизель говоритъ: «Извѣстно есть то всѣмъ, яко сія лютая многолѣтняя въ Малой Россіи брань праведнымъ судомъ Божиимъ за наши грѣхи на насъ наведена есть... Егда Господу Богу примиримся, абіе и брани сице отъ иноплеменныхъ на насъ нанесенія, яко-же и междособныя престануть, и вся тварь, яже за обиду Божию мстящая на насъ воевала, ко примиренію съ нами преклонится. Во вся мимошедшая лютая времена воевало на насъ небо, еже вредящими своими планетами многіи болѣзни и пагубы на насъ ниспущало; воевала и земля обычныхъ намъ плодовъ возбраненіемъ и сѣмени умаленіемъ; воевала и вода преизлишнимъ своимъ изліаніемъ и всякихъ плодовъ рыбныхъ недаяніемъ: воевалъ и воздухъ овогда сушами, овогда градами, бурями и безмѣрными мокротами; воевалъ и огонь частымъ градовъ и странъ пожженіемъ. Нынѣ-же егда къ Господу Богу обратимся, вся стихія въ пользу намъ и въ устѣхъ пособствовать будутъ, и будетъ во всей твари тишина велія и миръ многъ любящимъ законъ Божій возсіяетъ... Сихъ блаженствъ дабы удобнѣе всякъ человекъ достигнути могъ, се мы... предлагаемъ сію книгу, яже поучаетъ всякого чину человека къ искорененію грѣховъ и очищенію совѣсти»... Иннокентій Гизель, составлявшій свой трудъ, между прочимъ, и по латинскимъ источникамъ, предусмотрѣлъ то обстоятельство, что его произведеніе можетъ быть принято православными не совсѣмъ благосклонно. Чтобы не смущать читателя, авторъ не дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи указаній и ссылокъ на латинскихъ авторовъ и въ предисловіи къ читателю прибѣгаетъ къ слѣдующей оговоркѣ: «А zde остается намъ съ таковымъ читателемъ слово имѣти, иже-бы восхотѣлъ, отъ коего либо подвиженія, въ чесомъ-ли буди, сему ученію прекословити. Сицеваго читателя молимъ, дабы аще что ново и странно въ сей книзѣ мнѣтся ему будетъ, не абіе ся того ради отвращалъ и противленіемъ церкви святой то напрасно именовалъ...; ибо аще что и новое здѣ обрѣталося, съ вѣрою православною соглашается... Аще-же что и отъ внѣшнихъ учителей взято быти обряцется, молимъ, да того ради никто-же сего ученія возгнушается; ибо не токмо въ

иновѣрныхъ, но и въ еллинскихъ ученіяхъ иногда истинныя и здравому разуму служащія повѣсти, яко злато посредѣ блата, обрѣтаются». Оговорка эта, можно думать, сдѣлана не столько относительно малороссіянь, которые давно уже привыкли пользоваться «внѣшними учителями» для своихъ ученыхъ и литературныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ, если не исключительно, сдѣлана авторомъ изъ вниманія къ великорусскимъ читателямъ, для которыхъ все «внѣшнее», все католическое и протестанское, тѣмъ болѣе языческое греко-римское, было полно ереси и потому считалось ни къ чему не пригоднымъ. Оговорку эту въ Москвѣ не долго признавали правильной, и въ 1690 г. патріархъ Іоакимъ отнесъ «Миръ съ Богомъ человѣку» въ число зловредныхъ кіевскихъ «новотворныхъ» книгъ.

Нельзя сказать, чтобы московская точка зрѣнія на «Миръ» Гизеля была ошибочной. Нужно было имѣть свѣтлый философскій умъ и глубокія богословскія свѣдѣнія, нужно было имѣть опору, такъ сказать, въ мѣстной строго-ортодоксальной богословской литературѣ, каковой, какъ извѣстно, не было ни въ сѣверной, ни въ южной Россіи, чтобы не подчиниться «внѣшнимъ учителямъ» въ толкованіи религіозныхъ предметовъ и въ рѣшеніи спорныхъ церковныхъ вопросовъ, и Гизель значительно имъ подчинился, въ ущербъ даже чистотѣ православнаго греко-восточнаго вѣроученія. Подчиненіе Гизеля латинскимъ писателямъ обнаруживается уже на первыхъ страницахъ его объемистаго труда, въ разсужденіи о покаяніи.

Восточная церковь всегда учила, что благодать Божія дѣйствуетъ въ таинствахъ неостигимо для ума человѣческаго и независимо отъ воли священнослужителя, отъ какого-либо обряда или изреченія. Она не замыкала благодатную силу таинства въ томъ или другомъ обрядовомъ явленіи, давая остальнымъ, съ нимъ соприкасающимся явленіямъ значеніе только украшеній и распространеній его. Далѣе, по ученію восточной церкви, священнослужитель не отдѣляется отъ тѣхъ, надъ которыми таинство совершается; онъ не «распорядитель и не хозяинъ въ домѣ благодати, но слуга ея»¹⁾. Римская церковь и въ ученіе о совершеніи та-

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., стр. 245.

инствъ внесла начало единой абсолютной силы и власти. По мудрованіямъ латинскихъ схоластикъ, каждый обрядъ, какъ опредѣленное дѣло, долженъ возникать и логически развиваться изъ одной мысли, изъ одного положенія. Въ каждой строгой системѣ существовавшее—это положеніе, опредѣленіе; все остальное только поясненіе, доводы, доказательства или украшеніе главнаго положенія; то же самое и въ обрядѣ; вся сущность его и вся сила благодати должна заключаться въ одномъ главномъ дѣйствіи его. Такимъ образомъ свобода и непостижимость благодати уничтожены схоластикой; божественная сила прикована, по произволу ея, къ одному только дѣйствію въ обрядѣ; цѣлый обрядъ пересталъ быть таинственнымъ божественнымъ учрежденіемъ и сталъ въ подчиненіе разуму. Что-же именно служить сущностью въ обрядахъ таинствъ? Въ каждый обрядъ, говорили схоластики, входитъ непременно опредѣленное, ему только принадлежащее вещество, *матерія*, и слова, равно и дѣйствія, которыя даютъ матеріи опредѣленное употребленіе, *форму*. Напр., въ таинствѣ крещенія матерія—вода, а форма—обливаніе съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; въ таинствѣ евхаристіи матерія—хлѣбъ и вино, а форма—произносимыя священникомъ слова Спасителя: «*пріймите, ядите..., пейте отъ нея*»... Въ стремленіи найти въ каждомъ таинствѣ матерію и форму схоластики доходили до смѣшнаго; такъ въ таинствѣ брака одни схоластики матеріей считали взаимное расположеніе жениха и невесты, другіе—тѣла ихъ.

Южно-русская церковь приняла схоластическое толкованіе религіозныхъ обрядовъ и таинствъ, преимущественно въ то время, когда исполненіе православныхъ церковныхъ обрядовъ поступило въ руки питомцевъ западной схоластики, Петра Могилы и его помощниковъ и сотрудниковъ. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ впервые въ южно-русской церковной литературѣ появляются въ сочиненіи С. Коссова «О мистеріяхъ albo тайнахъ» 1635 года; но вполнѣ они развиты въ приложеніи къ чинамъ южно-русской церкви Петромъ Могилою въ «Ливосяхъ» 1644 г. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ вошли въ «Требникъ» Петра Могилы и получили общее признаніе. Положенія эти принималъ Барановичъ и Галятовскій. Галятовскій изложилъ ихъ въ «Ключѣ Разумѣнія», въ казаньѣ на Богоявленіе Господне.

Иннокентій Гизель начинаетъ свое сочиненіе тѣмъ, что различаетъ въ таинствѣ покаянія матерію и форму. На страницѣ 104 читаемъ: «вѣдати подобаетъ, яко до коейждо тайны святой церковной потребны суть сія четири: *матерія*, или вещь, предложенная къ святыни, *форма*, или образъ совершенія тоя святыни, *служитель*, или дѣйствующій св. тайну и *пріемлющій*». Вообще Гизель крайне дробитъ церковныя установленія на части, напримѣръ, усматриваетъ въ исповѣданіи грѣховъ 12 свойствъ: таинственность, смиреніе, простоту, вѣрность, послушаніе и проч.

«Миръ» раздѣляется на три большія части: 1) о покаяніи вообще, 2) о кающемся и 3) о духовникѣ.

Въ первой части Гизель говоритъ о грѣхѣ вообще, о раздѣленіи грѣха на смертный и простительный, о согрѣшеніи вслѣдствіе ненадлежащаго соизволенія, похваленія, незаявленія о грѣхѣ другаго лица и т. п., о такъ называемыхъ «окрестностяхъ» грѣха: кто? что? гдѣ? когда? какимъ образомъ? Въ этомъ отдѣлѣ есть небольшая глава: «како грѣхъ иногда можетъ и грѣхомъ не быти». «Шесть винъ есть, ихъ-же ради грѣхъ не почитается за грѣхъ: неможеніе, невѣдѣніе, скудость разсужденія, вина благословная, разрѣшеніе и нужда. Неможеніе освобождаетъ отъ грѣха: не возвращающихся вещи чуждая, егда нѣтъ доволства; не чтущихъ обычнаго правила во время велиаго недуга; не постящихъ во время слабости; не слушающихъ въ праздникъ божественной литургіи, егда нѣтъ священника, и проч. Невѣдѣніе разумѣется здѣсь недоуздое, ... яко аще-бы кто у варваръ сый дѣлати хотѣлъ въ праздникъ, не могій вѣдати о праздникѣ. Скудость разсужденія освобождаетъ отъ грѣха дѣло злое отрочать, изумленныхъ, спящихъ, иногда же и зѣло пьяныхъ малое нѣкое нестроеніе. Вина благословная освобождаетъ отъ грѣха тогда, егда кто въ коемъ случаѣ творитъ противу заповѣди или уставленія человѣческаго, толкуючи той уставъ по разуму, яко въ такомъ случаѣ не обвязуетъ; яко-же егда-бы кто противу уставу церковнаго ялъ рыбу въ постъ великій, ради недуга къ тому принуждающаго. Разрѣшеніе-же знаменуетъ здѣ благословеніе архіерейское, данное въ коемъ случаѣ на твореніе безъ грѣха, противу уставу человѣческаго церковнаго, таковаго, яковый уставъ толкованіе-бы имѣлъ по недоумѣнію, аще обвязуетъ или не обвязуетъ въ такомъ случаи. Послѣди нужда

свобождаетъ отъ грѣха въ дѣлахъ смертныхъ сихъ: въ неправедномъ взятіи и удержаніи вещей чуждыхъ, еже бываетъ въ послѣдней пищетѣ, ея-же ради не могль-бы кто отнюдь живота соблюсти, аще-бы чуждаго у себѣ не имѣлъ и тѣмъ себя не живиль. Понеже въ послѣдней нуждѣ вся суть обща, по разумѣнію учителей. И въ убійствѣ, еже бываетъ въ праведномъ защищеніи живота или своего ближняго; но и въ защищеніи имѣній; любо сихъ самихъ лучше есть отщегитися, неже убити». Иннокентій Гизель смотрѣлъ на человѣка глазами истиннаго христіанина, проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. При всей строгости требованій относительно исполненія нравственныхъ правилъ, обнаруживаемой въ «Мирѣ», живой человѣкъ не принесенъ въ жертву отвлеченной идеѣ религиозно-нравственнаго долга и приняты во вниманіе экономическія и въ тѣсномъ смыслѣ слова физическія условія его существованія, которыя, разумѣется, могутъ быть подчасъ такъ тяжки, что человѣкъ невольно впадаетъ въ проступокъ или въ прегрѣшеніе. Весьма характерны слова Гизеля, что «въ послѣдней нуждѣ вся суть обща». Изъ какихъ-бы «учителей» онъ не почерпнулъ свой христіанско-юридическій взглядъ на значеніе и происхожденіе преступленія, взглядъ этотъ дѣлаетъ честь южно-русскому ученому. Нужно замѣтить, что мягкое, гуманное отношеніе къ человѣку вообще, къ бѣдняку въ частности проявляется во многихъ мѣстахъ «Мира»,—доказательство, что человѣколюбіе Иннокентія Гизеля не было явленіемъ случайнымъ, напускнымъ, вызваннымъ только-что прочитанной хорошей книгой.

При перечисленіи грѣховъ противъ богословскихъ добродѣтелей (вѣры, надежды и любви), противъ десяти заповѣдей Божіихъ и противъ церковныхъ заповѣдей, Гизель преимущественно говоритъ о послѣдней категоріи грѣховъ. Противъ церковныхъ правилъ погрѣшаютъ тѣ, которые не слушаютъ литургій въ дни святыхъ, не соблюдаютъ постовъ, не почитаютъ духовныхъ, не даютъ священникамъ «парохіальныхъ рочныхъ доходовъ», уклоняются отъ исповѣди и причастія, не молятся за властей, бракосочетаются въ запрещенные дни, отнимаютъ у церкви и монастырей ихъ имущество. Не всегда, однако, нарушение церковныхъ правилъ является грѣхомъ. Такъ по словамъ Гизеля, «вѣдати подобаетъ, яко отъ обвязку сея первыя заповѣди церковныя (посѣщеніе цер-

ковной службы) свободны суть... слуги, стрегущіе общія цѣлости (т. е. казенное и общественное имущество), служащіи больнымъ и питающіи отрочать, ихъ-же безбѣднѣ въ дому оставити не могутъ; такожде, иже сами слабости ради здравія своего къ церкви прійти не могутъ, или не идутъ ради убѣжанія отъ смертоноснаго воздуха; любь ради далекаго разстоянія мѣста, вкупѣ-же и ради великаго и долгаго неугодія воздушнаго, яко-же ради дождя долгаго и зѣлнаго, снѣга, вихра и проч.; не повинны-же суть и тыи рабы, иже повелѣніемъ господій своихъ принуждени бывають во время божественной литургіи работати что веліе, или аще и малое, но въ чесомъ повинуются, да избудуть сваровъ и наказаній жестокихъ; тогда-же согрѣшають господіе, яко о спасеніи рабъ своихъ не брегуть; свободни суть послѣди и таковыи убогіи, иже не имуть одѣянія, въ немъ-же бы изъ дому возмогли ити къ церкви»... Въ особенности характеризуютъ гуманную и просвѣщенную личность Гизеля слѣдующія его слова: «Вѣдати подобаетъ, яко изряднѣйшія вины, яже непостоящихъ освобождаютъ отъ грѣха, суть сія: лѣта, немощь, должность или трудъ, скудость, любовь и благословеніе. Лѣта освобождаютъ отъ поста дѣтей, ибо дѣтямъ, по отлученіи отъ сосецъ, предъ седмымъ лѣтомъ (т. е. до семи лѣтъ) ослаба въ постѣ бываетъ; по седьмомъ-же лѣтѣ не тако; обаче къ яденію единою на день не зѣло обовязуются даже до коликонадесятъ лѣтъ, занеже требуютъ часто, а немного ясти, ради стяжанія подобающаго возраста... Лѣта такожде освобождаютъ отъ поста и старыхъ, занеже старши прислушающаго ко посту брашна не возмогають единою пріятого, слабости ради стомаха своего, во утробѣ истнити и претерпѣти, но требуютъ часто и мало ясти (старость начинается съ 70 лѣтняго возраста). Немощь, сіе есть недугъ, и слабое здравіе освобождаютъ отъ поста: и того ради, иже болѣзнь главы или стомаха терпятъ, свободными суть... Здѣ-же ослаба въ постѣ бываетъ женамъ непразднымъ и доящимъ сосцы своими отрочать, яже требуютъ пици не токмо ради себе, но и ради отрочать. Должность належаная освобождаеть такожде отъ поста; яко-вья должности суть учителей труждающихся въ словѣ и ученіи, крылошанъ усердствующихъ и проч.; о нихъ-же, егда-бы извѣстно было, яко не возмогли-бы своей должности по достоянію исполнити, храняще постъ, тогда дѣла ради настоящаго могутъ мало пости-

тиса и дважды на день». Изряднѣ-же трудъ явѣ тяжекъ отъ поста освобождаетъ, а таковой есть художниковъ, сице въ дѣлѣ древа, якоже желѣза и камене, труждающихся; такожде земледѣльцевъ, скудельниковъ, златарей, ткателей, сапожниковъ, усмарей и тѣмъ подобныхъ; но убо не кроителей, ни иконописцевъ, ни книжныхъ писателей и иныхъ таковыхъ, легкій трудъ имущихъ... Скудость освобождаетъ отъ поста тогда, егда во время постное инаго брашна, кромѣ непостнаго, не мощно-бы обрѣсти; безъ брашна-же стерпѣти того часа отнюдь не удобно-бы было, развѣ съ нечаяніемъ живота или здравія; такожде аще-бы кто у еретиковъ или невѣрныхъ нужду имѣлъ черезъ храненіе поста изъявится, яко есть православный или христіанинъ, и было-бы то съ бѣдою узъ, мученій, смерти или пагубы имѣній; тогда яко-же церковь не обязуетъ до таковая бѣды, сице не обязуетъ и до поста... Здѣ-же разумѣется и скудость убогихъ таковыхъ, иже, по дворахъ брашна просяще, единымъ малымъ пріятіемъ насытитися не могутъ; сицевымъ не возбраняется удвоити свое укрѣпленіе, дондеже насытятся... Любовь... аще-бы пришлецъ былъ издалече, утружденный и укрѣпленія тѣлеснаго зѣло требующъ, но не смѣлъ-бы подрѣпитися въ постъ, да же бы самъ дому господинъ съ нимъ ялъ, тогда-бо господинъ и дважды на день могъ-бы пицу пріяти; до любви-же прислушаетъ поста иногда не хранить и ради убѣжанія домашнія крамолы и распри, якова бываетъ между мужемъ и женой, аще-бы единъ отъ нихъ постилъ, другому не соизволяющу. Наконецъ благословеніе, испрошенное у старѣйшины духовнаго (архіерея или священника) можетъ коея ради вины свободити отъ поста совершеннаго,.. аще вина есть сомнительная и неизвѣстная... Въ разсужденіи о постѣ Гизель требуетъ, чтобы лица, имѣющія слугъ и рабовъ, давали имъ во время поста «брашно угодное и прислушащее, дабы ся укрѣпили и постъ понести могли» и чтобы сильно не принуждали ихъ поститься, но склоняли ихъ къ тому добрымъ и ласковымъ словомъ. Въ объясненіи священникамъ, чего должны они требовать отъ кающагося грѣшника, также проводится, такъ сказать, практически гуманный взглядъ на человѣка. Такъ въ случаѣ членовредительства виновный долженъ лѣчить на свой счетъ пострадавшаго и затѣмъ вознаградить его деньгами или землями или обезпечить его на всю жизнь, если нанесенный ему

вредъ лишилъ его возможности трудомъ добывать средства къ жизни; въ случаѣ насилія дѣвушки виновный или долженъ взять ее себѣ въ жены или дать ей приданое, съ которымъ она могла бы выйти за другаго мужчину.

Въ разнообразныхъ религіозно-правственныхъ наставленіяхъ, наполняющихъ «Мирь», открываются нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ южно-русскаго народа въ XVII ст. Въ историко-бытовомъ отношеніи интересъ представляютъ заключающіяся во второй части «Мира» перечисленія грѣховъ духовныхъ лицъ, нановъ, крестьянъ, судей, купцовъ, ремесленниковъ, врачей, учителей и проч. т. п. Архіереи согрѣшаютъ, когда смотрятъ на епископское званіе, какъ на средство для достиженія корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей, когда «не суть учительны ни сами черезъ себе, ни же черезъ иныхъ умныхъ и богобоязливыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія», если не созываютъ мѣстныхъ епархіальныхъ соборовъ для обсуждения церковныхъ дѣлъ, «чесо ради потреба имъ-бы на всяко лѣто соборъ помѣстный имѣти», если не обѣзжаютъ епархіи, рукополагаютъ недостойныхъ лицъ въ священники, ищутъ «безмолвнаго себе гдѣ на единѣ житія... еже есть противу естественнаго закона, иже обовязуетъ предпочитати добро общее надъ уединенное». Главными грѣхами священниковъ поставлены рѣдкое и небрежное исполненіе церковныхъ службъ и церковныхъ требъ. Проповѣдники согрѣшаютъ, когда не обличаютъ въ грѣхахъ (безъ именованія лицъ) тѣхъ, проступки которыхъ ясно обнаружались, когда въ угоду мірскимъ людямъ сурово обличаютъ духовенство, когда говорятъ о ложныхъ чудесахъ. Вообще, духовныя лица согрѣшаютъ, когда церковное имущество расточаютъ, употребляя его «на сласти или преизбытокъ въ пицѣ и одеждѣ», когда вмѣшиваются въ мірскія дѣла, предаются пьянству и пляскѣ. Родители согрѣшаютъ, когда для леченія больныхъ дѣтей приглашаютъ бабъ чарующихъ или шепчущихъ, не обуздываютъ въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, не обучаютъ дѣтей грамотѣ или ремеслу, насильно заставляютъ вступити въ бракъ, принуждаютъ къ постриженію въ иночество, отказываются содержать и воспитывать дѣтей, прижитыхъ внѣ законнаго брака («отъ любодѣянія рожденныхъ»). Грѣхи государственныхъ правителей: обложеніе народа большими налогами и податями съ

своекорыстной цѣлью, отягощеніе народа подводной и постоянными повинностями, стѣсненіе свободы въ куплѣ и продажѣ, присвоеніе имущества церковнаго, вдовъ, сиротъ, больницъ, небрежность относительно безопасности путешественниковъ отъ разбойниковъ и исправности мостовъ, насиліе въ заключеніи браковъ, присужденіе смертной казни безъ суда и проч. т. п. Грѣхи царскихъ совѣтниковъ: небрежность въ защитѣ отечества отъ враговъ, растрата общественныхъ денегъ, нарушеніе народныхъ вольностей и старинныхъ крѣпостныхъ актовъ безъ изволенія высшей власти, неправильное установленіе цѣнъ на стѣстные продукты, постановленіе въ чиновники людей лъстивыхъ и корыстолюбивыхъ и проч. т. п. Въ иностранномъ перечисленіи грѣховъ судей, писарей, воиновъ, купцовъ, ремесленниковъ, учителей и проч. можно остановиться на слѣдующемъ: плѣнникамъ запрещается проклинать день своего рожденія и своихъ родителей; запрещается, въ случаѣ женитьбы на чужбинѣ, бросать жену и дѣтей въ невѣрной странѣ; воины согрѣшаютъ, причиняя народу насиліе, когда «бьютъ, мучаютъ, взимаютъ пуждою повозниковъ и туждаютъ ихъ долго; когда военачальники изъ корыстныхъ цѣлей удерживаютъ солдатское жалованье, уменьшаютъ продовольствіе». Купцы согрѣшаютъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, когда продаютъ еретическія книги, иконы «блудническія, натиранія къ украшенію лицъ женамъ» и проч. т. п. и когда снабжаютъ чужеземцевъ оружіемъ. Плотники и каменщики согрѣшаютъ, когда берутся строить еврейскій или языческій храмъ. Врачи согрѣшаютъ, когда прибѣгаютъ къ волхвованіямъ или заговорамъ во время болѣзни зубовъ и кровотеченія, когда вытравливаютъ плодъ или даютъ средства къ возбужденію половой дѣятельности; аптекаря согрѣшаютъ, когда ошибаются въ приготовленіи лѣкарства, держатъ испорченный товаръ, продаютъ его выше надлежащей стоимости, по предварительному соглашенію съ врачами. На 426 страницъ Гизель говоритъ, что «простые», т. е. неграмотные должны знать символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей. «Мнози-же обрѣтаются, замѣчаетъ онъ, иже и состарѣлися уже, а не умѣютъ положить на себѣ креста святаго». Это—слишкомъ рѣзкое и не основательное замѣчаніе. По свидѣтельству Павла аленскаго, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVII ст., въ Малороссіи большинство народа, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, знало на

память не только молитвы, но даже церковный порядокъ службы и пѣнія, и не только мужчины, но даже женщины и дѣвочки. Священники брали на себя обученіе сиротъ и не позволяли имъ оставаться въ невѣжествѣ¹⁾.

Изъ отдѣльныхъ церковно-бытовыхъ мелочей, отмѣченныхъ въ «Мирѣ», не лишено интереса высказанное на 154 страницѣ требованіе, чтобы женихъ при бракосочетаніи имѣлъ не менѣе 14 лѣтъ, а невѣста 12 лѣтъ. Этотъ возрастъ признанъ достаточнымъ и по половой зрѣлости.

Направленное противъ іезуита Боймы сочиненіе Гизеля «О истинной вѣрѣ» написано по настоянію Лазаря Барановича. Въ ряду сочиненій противъ католиковъ трудъ Гизеля принадлежитъ къ позднимъ по времени и повидимому къ слабымъ по внутреннему достоинству. Древнѣйшимъ юго и западно-русскимъ сочиненіемъ противъ католиковъ считается «На обличеніе и на посрамленіе ляхамъ и латынамъ» XV вѣка²⁾, если не считать противо-латинскихъ сочиненій русскихъ митрополитовъ до-монгольскаго періода. Къ 1578—1580 годамъ относится сборникъ полемическихъ сочиненій противъ жидовъ, протестантовъ и магометанъ, составленный въ супрасльскомъ монастырѣ, а нынѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ, въ древлехранилицѣ Погодина³⁾. Съ возникновеніемъ въ южной Россіи униі, т. е. съ конца шестнадцатаго столѣтія, южно-русская противо-латинская литература сильно разрастается. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія противъ католичества писали священникъ острожскій Василій, наставникъ львовской братской школы, потомъ энергическій виленскій проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, затѣмъ Христофоръ Бронскій, — человекъ глубокаго ума, типичный малоросіанинъ по языку Іоаннъ Вышенскій, талантливый Мелетій Смотрицкій, труженикъ науки Захарія Копыстенскій. Въ половинѣ XVII в. главнымъ литературнымъ противникомъ латино-униатовъ выступилъ Петръ Могила. Для позднѣйшихъ писателей, Барановича, Галатов-

1) Руцинскій, Религіозный бытъ русскихъ, стр. 177.

2) А. Поповъ, «Обзоръ древне-русскаго полемическаго сочиненія противъ латинянъ XI—XV в.», 1875 г., стр. 155—175.

3) А. Поповъ, въ «Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древ. рос.» 1879. I, стр. 41.

скаго и Гизеля поле обличительнаго богословія было достаточно расчищено, и они съ успѣхомъ трудились на немъ. Главнымъ дѣятелемъ въ области религіозной полемики во второй половинѣ XVII ст. былъ Барановичъ, который и самъ работалъ въ этой области, и привлекъ къ полемикѣ Галятовскаго и Гизеля. Сочиненіе «О истинной вѣрѣ» было готово въ 1671 г. Барановичъ ознакомился съ нимъ въ рукописи, и оно ему не совсѣмъ понравилось. Не нравилась ему именно рѣзкость полемическаго тона. «Сочиненіе предостойное! писалъ Барановичъ Гизелю 13 мая 1671 г. Не стыдно пречестности твоей и подписаться своимъ именемъ подъ произведеніемъ своимъ. Надобно только слогу смягчить, тѣмъ болѣе, что самый предметъ настоятельно этого требуетъ; пусть себѣ они сердятся на авторовъ, откуда это заимствовано, а колкостей не примѣнивають; самый предметъ доведетъ до безсилія противника; нѣсколько рѣзкій слогъ можетъ повредить нашимъ православнымъ въ тамошнихъ краяхъ». Въ письмѣ отъ 13 августа 1671 г. Барановичъ замѣтилъ Гизелю: «хорошо заключеніе (т. е. сочиненіе), но оскорбительно; лучше подражать Христу: научитесь отъ Меня, ибо я кротогъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ (Матѣ. II, 39)». Гизель хотѣлъ присоединить свое сочиненіе къ «Новой Мѣрѣ» Барановича и издать ихъ вмѣстѣ; но Барановичъ этому воспротивился. «Мнѣ никакъ невозможно трудъ пречестности твоей соединить съ моимъ трудомъ, писалъ онъ Гизелю. Если-бы это была часть, то можно-бы было и присоединить; но такое превосходное полное сочиненіе, по всей справедливости, достойно и праведно, прилично и для церкви полезно издать въ свѣтъ во всемъ его составѣ»¹⁾ Изъ того обстоятельства, что Гизель свое сочиненіе желалъ присоединить къ «Новой Мѣрѣ» Барановича, видно, что оно также было написано на польскомъ языкѣ. О сочиненіи Гизеля упоминаетъ архіепископъ Филаретъ и Виннегскій, причемъ первый называетъ его сочиненіемъ слабымъ²⁾. Не видно однако, чтобы кто либо въ дѣйствительности прочиталъ это сочиненіе. Такъ Филаретъ не приводитъ ни полнаго заглавія, ни года изданія, не указываетъ на величину книги, не касается ея

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 143, 153.

²⁾ Филаретъ, Обзоръ р. дух. лит. т. I, стр. 285.

содержанія. Сколько намъ извѣстно по каталогамъ и по личнымъ и письменнымъ справкамъ, сочиненіе Гизеля «Объ истинной вѣрѣ» не оказывается ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ. То обстоятельство, что изъ современниковъ Гизеля никто не упоминаетъ «Объ истинной вѣрѣ», какъ о сочиненіи вышедшемъ уже въ свѣтъ, что неизвѣстно ни одного латинскаго возраженія на это сочиненіе, ни одной ссылки на него православнаго автора, въ связи съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи польской и малорусской литературы упоминаютъ лишь названіе этой книги, и самой книги не находится въ такихъ богатыхъ южно-русскими старопечатными книгами бібліотекахъ, какъ бібліотеки Румянцевскаго музея, кіевской духовной академіи и харьковской духовной семинаріи, все это въ совокупности можетъ привести къ той мысли, что Гизель призналъ слабость своего сочиненія или излишнюю рѣзкость полемическаго тона и не далъ ему хода. Разумѣется, предположеніе это остается только предположеніемъ, вѣроятнымъ до нѣкоторой степени, но изложеннымъ выше соображеніямъ. Нельзя, напримѣръ, отрицать возможности того, что сочиненіе Гизеля благополучно появилось на свѣтъ, быть можетъ, въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, и, какъ сочиненіе ничѣмъ особеннымъ не выдающееся въ ряду религіозно-полемическихъ сочиненій, не было читаемо, было забыто, и потому могло сохраниться въ одномъ, двухъ, трехъ экземплярахъ, покоящихся въ какихъ нибудь старинныхъ польскихъ бібліотекахъ. Разнообразный и обширный составъ южно-русской бібліографіи прежнихъ временъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, не опредѣленъ даже простымъ перечнемъ названій.

Въ исторіи русской исторической литературы имя Иннокентія Гизеля не можетъ быть пройдено молчаніемъ. Трудъ его «Синописисъ» былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ основаніе «Синописиса» легла хроника Θεοδοσία Софоновича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кіевской и волынской лѣтописямъ; къ хроникѣ этой прибавлены краткія извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго ¹⁾. Последнее

¹⁾ Филаретъ, Обзоръ р. д. литер., т. I, стр. 284.

добавленіе сохранилось въ рукописи въ библіотекѣ московскаго Архива Мин. Ин. Дѣл. Въ рукописи этой находится 1) «хроника о земли польской» (отъ Леха до 1673 г.), составленная большею частью по Бѣльскому и 2) «хроника о початку и назвискѣ Литвы», составленная главнымъ образомъ по Стрыйковскому; событія здѣсь доведены до 1529 г. «Синописи» Гизеля есть передѣлка хроники Софоновича, съ дополненіями. До исторіи Ломоносова «Синописи» Гизеля, за неимѣніемъ другихъ, былъ классическимъ сочиненіемъ. Было много изданій «Синописи», въ 1674, 1676, 1680, 1718, 1810 годахъ. Последнее изданіе (1810) сдѣлано академіей наукъ¹⁾. Св. Димитрій ростовскій приложилъ «Синописи» Гизеля къ своей лѣтописи, въ концѣ ея, безъ измѣненій²⁾.

Въ началѣ «Синописи» говорится о Ноѣ и трехъ его сыновьяхъ, Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ, о происхожденіи славянъ отъ Іафета, а самаго названія ихъ отъ славы, потому что съ древнихъ временъ прославились своими военными подвигами; затѣмъ слѣдуетъ глава о вольности славянской, гдѣ говорится, что славяне помогали Филиппу Македонскому и сыну его Александру Великому и отъ послѣдняго получили «привилегіи или грамоту, на пергаментѣ златомъ написанную, въ Александріи, вольности и земли имъ утверждающую, въ 310 г. до Рождества Христова». Затѣмъ говорится, что Октавіанъ Августъ уважалъ славянъ за ихъ храбрость и въо-слѣдствіи «князь нѣкій славенороссійскій Одоадеръ войною доставъ Рима, держаше его подъ властью своею 30 лѣтъ»... Въ слѣдъ затѣмъ идетъ краткое сообщеніе объ Азій, Африкѣ и Европѣ. «Еще есть, говорится здѣсь, и четвертая часть вселенныя Америка, яже нарицается новый свѣтъ; но яко сія послѣди прочихъ новоизобрѣтена, сего ради безъ описанія оставляется». Послѣ этой небольшой вставки слѣдуетъ краткая глава о происхожденіи названія Россія: русскіе, по мнѣнію однихъ, отъ г. Русы, что близъ Новгорода, по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Роси, отъ русскихъ волосъ, по мнѣнію Стрыйковскаго, принятому авторомъ Синописи, отъ слова «разсѣяніе», потому что они поселились на обширномъ пространствѣ, далѣе глава о народѣ сарматскомъ (поляки, русскіе, литовцы), глава

¹⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polsk., т. VIII, стр. 401.

²⁾ Св. Димитрій Ростовскій, Сочиненія, т. III, въ концѣ, стр. 1—143.

о народѣ роксоланскомъ (то же русскіе), съ производствомъ козакъ отъ полководца Козака, побѣдившаго татаръ, татаръ отъ Тартара, Литвы отъ царскаго сына Литваса, Москвы отъ сына Гафетова Мосоха, глава о мѣстоположеніи и величіи Москвы, краткія главы о хазарахъ и кимврахъ. Забѣтивъ далѣе о преславномъ, верховномъ и всего народа російскаго главномъ градѣ Кіевѣ, Гизель говоритъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, призваніи варяжскихъ князей въ Новгородъ, покореніи ими южной Россіи, о княженіи Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владиміра, о крещеніи послѣдняго. Въ исторію княженія Владиміра вставлены двѣ любопытныя главы, составленныя по Кромеру и Стрыйковскому, глава объ идолахъ (Перунъ, Волосъ, Похвистъ, Ладъ, Лель, Полель, Купало, Коляда, Слядь или Ослядь, Корша или Хорсъ, Дашубъ или Дажбъ, Стриб(огъ), Семаргъ, Макишь), и глава объ обливаніи водою въ Великъ-день. Главы эти интересны для мифолога. Основываясь на Кромерѣ, Гизель прибавляетъ кое-что и отъ себя. Любопытно, наприм., подробное описаніе купальскихъ огней и обливанія водою въ Свѣтлое Воскресеніе. Любопытно указаніе, что колядки начинали пѣть наканунѣ праздника Рождества Христова, 24 декабря, и при этомъ переряживались. Отдѣлъ Синописа о Владимірѣ одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, насчитывается пять крещеній русскихъ; пятое совершено Владиміромъ. Здѣсь-же говорится о Десятинной церкви въ Кіевѣ. Затѣмъ слѣдуютъ главы о княженіи Святополка, Ярослава, Изяслава, Всеволода, Святополка II, Владиміра Мономаха, Метислава и др., до нашествія Батя. Забѣтивъ о нашествіи татаръ и разореніи печерской лавры, Гизель вскорѣ переходитъ къ Димитрію Донскому и подробно говоритъ о Куликовской битвѣ. Повѣствованіе о княженіи Димитрія составляетъ почти треть книги. Сказавъ о гибели Мамая, Гизель переходитъ къ исторіи кіевскаго княжества, сначала подъ турецкимъ игомъ, потомъ подъ властью Литвы. Гизель говоритъ, что «грѣхъ ради человѣческихъ», по поущенію Божію, кіевское княженіе было обращено въ воеводства, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ воеводъ кіевскихъ, поставленныхъ польскими королями, витѣвато и мимоходомъ замѣчаетъ о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 г., о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и затѣмъ сразу переходитъ къ турецкимъ походамъ подъ Чи-

гиринь, которые излагаетъ самостоятельно, какъ современникъ. «Синописисъ» заканчивается подробнымъ сообщеніемъ о силѣ московскихъ и козацкихъ войскъ, прибывшихъ къ Кіеву въ 1679 г., на оборону святыхъ мѣстъ кіевскихъ отъ грозившаго турецкаго нашествія.

Разсмотрѣніе «Синописиса» приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Малороссіи отведено въ немъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ Великороссіи, причемъ въ исторіи московскаго государства пройдены молчаніемъ цѣлыя великія княженія и царствованія, напр., правленіе Ивана III, правленіе Ивана IV, умолчано о такихъ событіяхъ, какъ покореніе Новгорода, исправленіе богослужебныхъ книгъ при Никонѣ. 2) Историческія событія въ московскомъ государствѣ поставлены въ «Синописисѣ» такъ, что должны дополнять собой или разъяснять событія малорусской исторіи. 3) Авторъ «Синописиса» любитъ малороссіянъ и уважаетъ великороссіянъ; онъ гордится силой Москвы и съ большимъ почтеніемъ отзывается о московскихъ царяхъ; въ то же время онъ питаетъ вражду къ бусурманамъ татарамъ. 4) Авторъ «Синописиса» очень рѣдко говоритъ о Польшѣ и полякахъ, не обнаруживая враждебнаго къ нимъ отношенія. 5) Съ внѣшней стороны «Синописисъ», за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гизель говоритъ о царѣ, отличается обиліемъ фактовъ и изложеніемъ спокойнымъ, простымъ и яснымъ.

Общій выводъ о «Синописисѣ» тотъ, что въ Малороссіи въ XVII и XVIII ст. это была полезная книга. Относительно развитія и укрѣпленія національнаго чувства, «Синописисъ», разумѣется, не могъ спорить съ козацкой кроничкой, въ родѣ «Черниговской лѣтописи»; но такія кронички были рѣдкостью, составляли фамиліное достояніе и очень немногіе могли читать ихъ, Синописисъ-же былъ общедоступной книгой. Его можно было найти въ монастырской библіотекѣ, можно было купить у странствующаго книжнаго торговца. Въ Великороссіи «Синописисъ» долженъ былъ представляться книгой менѣе интересной и менѣе полезной, чѣмъ въ Малороссіи, и нужно только удивляться его продолжительной популярности въ Москвѣ. Въ немъ было мало московскаго содержанія. «Синописисъ», какъ учебникъ, въ Великороссіи представляется явленіемъ настолько-же не-удовлетворительнымъ, какъ, напримѣръ, учебникъ Пловайскаго по русской исторіи нынѣ въ Малороссіи. Въ этомъ учебникѣ, какъ

известно, о Болотниковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Копашевичѣ Сагайдачномъ, о великомъ князѣ Васи́лѣ Ивановичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Мотилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ. Какъ великороссіяне въ началѣ XVIII ст. не усматривали въ «Синописѣ» ни единого слова о патриархѣ Никонѣ, такъ современное южно-русское учащееся юношество, одолѣвъ объемистую русскую исторію Иловайскаго, остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII ст. былъ, напр., такой энергическій и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вишенскій, такой филологъ, какъ Памво Беринда, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Галятовскій, Гизель, была такая героическая личность, какъ запорожскій кошевой Иванъ Сѣрко, остаются въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная. Не будемъ-же строго осуждать «Синописѣ» за односторонность, тѣмъ болѣе, что не знаемъ, для кого собственно предназначалась эта книга, какъ великъ долженъ былъ быть районъ ея распространенія, по первоначальной мысли автора. Можетъ быть, Синописѣ предназначался авторомъ только для Малороссіи; въ такомъ случаѣ вопросъ о неполнотѣ и односторонности устраняется самъ собой.

О добротѣ сердца и благотворительности Гизеля сохранились весьма похвальные отзывы его современниковъ, Зерникава, Радивиловскаго и Туптала. Зерникавъ свидѣтельствуетъ, что о добротѣ Гизеля много говорили въ обществѣ ¹⁾. Антоній Радивиловскій сборникъ своихъ проповѣдей «Огородокъ Маріи Богородицы» (1676 г.) посвятилъ Гизелю. Въ предисловіи къ Гизелю онъ говоритъ: «Мыслячому мнѣ, кому бы-мъ сей начатокъ працы моея по преблагословенной Маріи Богородици, патронци нашей, мѣлъ приписать и офѣровати, висоце въ Богу превелебный отче архимандрита печерскій, отче, пастыру, патроне и добродѣю мой великій, пришла на память една сентенція римскаго красомовца, который такъ мовить: невдячный есть, который, взявши добродѣйство, не признаваеця до онаго, же взялъ... А такъ во первыхъ, абымъ ся не показаль невдячнымъ зъ непризнаваня взятыхъ добродѣйствъ, признаваю, жемъ досыть великихъ въ сей святой печерской обители дозналь отъ пре-

¹⁾ Труды кievской духовной академіи 1860, т. III, стр. 187.

велебности твоей благодарній. Если уважаю мешканя моего въ обители сей святой печерской початокъ, той ни на чомъ иномъ не былъ заложенъ, тылко на щегульной по преблагословенной Дѣвѣ Маріи Богородици ласцѣ и добродѣйствѣ превелебности твоей, который мене непотребного раба въ злыи военныи небезпечныи часы, якъ ласкавый отецъ сына своего, до себе пригорнувши, завшесь мнѣ гойныи при любвѣ своей отеческой высвѣдчати рачиль добротности... Если припомню себѣ, презъ лѣтъ уже то подѣ двадцать, въ обители св. печерской мешкане мое, признаваю, же не было того дня, которого бымъ твоей отеческой не дозналъ ку себѣ любви и ласки. Что справовало, жесь мене недостойнаго раба своего межи честную св. великой обители печерской поличивши братію, напередъ учиниль проповѣдникомъ слова Божого и братомъ соборнымъ, а потомъ намѣстникомъ?—Особливая любовь и ласка превелебности твоей. Что справовало притомъ, жесь не хотѣлъ, абы и сія моя подлая праца была въ пѣску невѣдомости людской загребена, але которые-мъ словеса, якъ тутъ при бытности твоей въ святой великой чудотворной обители печерской, такъ и въ иныи кіевскихъ обителяхъ святыхъ съ катедры до людей проповѣдалъ, абы тое типомъ изображенное свѣту оказало было? Справовала то особливая ку мнѣ любовь и ласка превелебности твоей; бо гдѣ-бы въ томъ любви и ласки отеческой твоей ко мнѣ не было, я бымъ ся самъ, будучи подлон науки, нѣколи того не важиль, чого и высокой науки люде заледво ея важать... Правдаты хотячому мнѣ сей Огородокъ маріанскій превелебности твоей, добродѣви моему, приписати, стануло въ очи великое превелебности твоей смиреніе, которое съ великими твоими добродѣйствы ку мнѣ оказанными валчачи, чинило мнѣ встрентъ, приводячи на память тое, же отъ людей на семь свѣтѣ жадной не потребуешь славы, памятуючи на слова Господни: «славы отъ чловѣкъ не приємлю»; але по долгой спорцѣ смиренія твоего съ добродѣйствами, триумфують великія твои ку мнѣ освѣдченныи добродѣйства... Пишетъ Аристотелесь, же есть въ Сицилии жродло *накистаитъ виру*, въ которомъ гды будеть погружено птаство умерлое оживеть, и кто-жъ не признаеть, же естесь такимъ жродломъ превелебность твоя? бо якъ въ ономъ жродлѣ вода птаство умерлое оживляетъ, такъ милосердіе твое нендзныхъ и утрапленихъ людей, яко то вдовъ, сиротъ, пришельцовъ, неволь-

никовъ, недостаткомъ и голодомъ зморенныхъ власне оживляетъ... Не единъ бо зъ людей утраленныхъ, отъ непріятели зъ добръ власныхъ вигнаний и зъ всего обнаженный, не маючи гдѣ приклонити главы, въ кievской области отъ зимна, наготы и гладу умерты мусѣль, гды бы его превелебность твоя добродѣйствомъ своимъ не притулилъ, не препиталъ, не приодѣлъ и не надарилъ»¹⁾. По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Иннокентій Гизель «кринны имѣнія насаждалъ обильно въ полѣ, въ рукахъ убогихъ, плодови- тый былъ милостыни раздаватель..; такъ былъ милостивъ къ убогимъ, что его другимъ Иоанномъ Милостивымъ называли. То его было украшеніе—нищаго ущедрити; то его была утѣха—алчущаго напоити; то его кринны—нагаго одѣти... Сей то былъ отецъ сиротамъ, что и наименьшаго не презрѣлъ, но ласковымъ своимъ нань окомъ призрѣлъ; сей то былъ пастырь овцамъ, что и найподлѣйшей овечкѣ промышлялъ довольное прокормленіе; сей то былъ благодѣтель, отъ котораго никто тщина не отошелъ рукама»²⁾.

18 ноября 1683 года скончался Гизель³⁾. Самуилъ Величко въ своей Лѣтописи замѣтилъ: «нарочитый и знаменитый Иннокентій Гизель, архимандритъ кievо-печерскій, мужъ премудрый, столпъ благочестія святаго непоколебимъ, свѣтило церковное, чрезъ наитіе смертное сгаснуло»⁴⁾. 28 ноября 1683 г. гетманъ Самойловичъ уведомилъ московское правительство о кончинѣ Иннокентія Гизеля и просилъ разрѣшить избрать для лавры новаго архимандрита⁵⁾. Въ концѣ того-же 1683 г. патриархъ Иоакимъ писалъ

¹⁾ Антоній Радвильовскій, «Огородокъ Маріи Богородицы». Второе посвященіе (первое обращено къ Богородицѣ). Одинъ экземпляръ «Огородка» находится въ фундаментальной библіотекѣ харьковскаго университета; одинъ экземпляръ въ харьковской духовной семинаріи.

²⁾ Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, Сочиненія. изд. 5, т. III, стр. 651.

³⁾ Похвальное слово Димитрія Туптала Гизелю, произнесенное годъ спустя послѣ его кончины, помѣчено 24 февраля 1685 г. Вѣроятно по этой причинѣ въ нѣкоторыхъ исторіяхъ литературы, напр. въ «Обзорѣ» Филарета, годомъ смерти Гизеля поставленъ 1684. Но цифра эта невѣрна. По многочисленнымъ и достовернымъ свидѣтельствамъ, Гизель скончался въ ноябрѣ 1683 г.; свидѣтельства эти: «Лѣтопись» С. Велички, «Черниговская лѣтопись» Бѣлозерскаго, грамоты гетмана и патриарха.

⁴⁾ С. Величко, Лѣтопись, т. II, стр. 530.

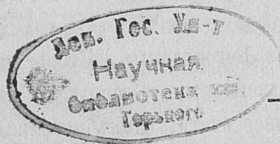
⁵⁾ Московскій Архивъ Мин. Ин. Д. Малорос. дѣла, связки 60—61.

гетману: «Егда наша мѣрность писаніе любве твоея пріять, кое намъ извѣстное вѣдѣніе сотворило о отшествіи ко Богу жизни сея Иннокентія Гизеля, кіево-печерскаго архимандрита, иже добродѣтельный мужъ и нашей мѣрности любезень бѣ, абіе жалѣніемъ по немъ содержахомся» ¹⁾. Патріархъ послалъ свое благословеніе на избраніе новаго архимандрита. Избранія удостоился игумень кіево-никольскаго монастыря, Варлаамъ Ясинскій.

Годъ спустя послѣ кончины Иннокентія Гизеля, Димитрій Туптало въ кіево-печерской лаврѣ сказаль въ память его похвальное слово, или «Пирамиду», весьма пространное, обильное текстами изъ св. писанія и разными схоластическими сравненіями и уподобленіями. «Такому человѣку, говорилъ проповѣдникъ, въ Бозѣ усопшему господину отцу Иннокентію Гизелю..., отцу и пастырю нашему годовую нынѣ отправляемъ память, котораго память не отидеть, а имя его и въ послѣдующіе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и постороннимъ извѣстна, а за добрыя свои дѣла въ устахъ всѣхъ имѣетъ хвалу. Тутъ и ты, смерть, не берешь, ибо «упованіе его безсмертія исполнено». И ты, время, своими забвенія зубами такого человѣка не изгрызешь памяти, ибо «въ память вѣчную будетъ праведникъ»...

Н. Ѡ. Сумцовъ.

[1-]

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи. Ч. I, т. V, стр. 211.

Замѣченныя опечатки.

		Напечатано:	Должно быть:
Стран.	2	стр. 27 а можетъ	можетъ
"	5	" 14 и правъ	правъ и
"	6	" 1 малорусскаго	малорусскаго
"	9	" 28 съ другой	съ другой стороны
"	20	" 3 отъ	какъ
"	21	" 2 нихъ	послѣднихъ
"	21	" 9 солидарность	солидарность
"	22	" 17 и онъ	такъ и Гизель
"	39	" 31 турецкимъ	татарскимъ
"	42	" 33 <i>накисаитъ виру</i>	накшталтъ виру (т. е. на подобіе водоворота).

Въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ „Вѣстника Европы“
и „Новаго Времени“ и въ Харьковѣ въ книжныхъ магазинахъ
г. Хавкина и г. Ив. Куколевскаго.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Θ. СУМЦОВА:

- 1) Князь В. Θ. Одоевскій. 1884 г. Цѣна 60 коп.
- 2) Лазарь Барановичъ. 1884 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- 3) Иоанникій Галатовскій. 1884 г. Цѣна 80 к.
- 4) Иннокентій Гизель. 1884 г. Цѣна 50 коп.
- 5) Слободско - украинское дворянство въ произведеніяхъ
Г. Θ. Квитки. 1884 г. Цѣна 20 коп.

РАСПРОДАНЫ:

- 1) Очеркъ исторіи колдовства въ западной Европѣ. 1878 г.
- 2) О повѣрьяхъ и обрядахъ при рожденіи и крещеніи ре-
бенка. 1880 г.
- 3) О свадебныхъ обрядахъ. 1881 г.

[6p]

